

(Не)хорошая ДЕВОЧКА

Джина
Шэй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джина Шэй

(Не)хорошая девочка

Серия «Мы в Теме», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67385702

SelfPub; 2022

Аннотация

С таким человеком, как Вадим Дягилев лучше не связываться хорошим девочкам. Он имеет славу искушенного распутника, о его закрытых вечеринках ходят неоднозначные пикантные слухи. С таким мужчиной даже рядом находиться – опасно для репутации. И уж тем более, играть по его правилам.

Соня Афанасьева никак не может избежать этой компании. Ведь именно Вадим Дягилев спасает её раз за разом. Спасает не смотря на вражду с отцом Сони и раз за разом упорно пытается соблазнить.

Сможет ли Соня устоять перед этим обаятельным мерзавцем? Ну или... Сможет ли она примириться с его непростыми вкусами?

Встать на колени и покориться? Или все-таки бежать и позабыть?

Эта история приоткроет для вас мир запретных искушений. Обольстит изящной откровенностью. Приворожит и больше не отпустит.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Не ходите девки замуж	4
Глава 2. Попрыгунья-стрекоза	15
Глава 3. Дитя без глазу	24
Глава 4. Шило на мыло	34
Глава 5. Полымя	46
Глава 6. Бел лицом, да худ отцом	55
Глава 7. Враг моего отца	65
Глава 8. Слово не воробей	75
Глава 9. От слов до дела	84
Глава 10. Кошки и мышки	93
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Джина Шэй

(Не)хорошая девочка

Глава 1. Не ходите девки замуж

Свадьба. Белая фата, белое платье, белый лимузин.

День счастливых улыбок, день кружащейся от радости голубы, ведь именно сегодня ты соединяешься судьбой не с кем-нибудь, а со своим любимым человеком. Так? Ну ладно, можно сделать скидку на двадцать первый век, статистику разводов, вот это все.

И все-таки я думаю, любая девочка уверена – у неё не будет как у всех, у неё будет по-настоящему, раз и навсегда. И что она-то со своим избранником надолго, и все-то у них будет счастливо, и умрут-то они в один день.

Что я могу сказать по этому поводу?

Дуры!!! Завязывайте с этой романтической чушью! А лучше – не ходите замуж. Никогда!

Я вот в настоящий момент вишу на кованных прутьях балконных перил, и мне жизненно необходимо разжать руки и прыгнуть. Вниз и чуть-чуть вперёд.

Что? “Дура, не делай этого, ты еще такая молодая?”

Да вы чего там, совсем, что ли? Мне просто нужно спрыгнуть на балкон этажом ниже. А вы что подумали? Тьфу! Хо-

тя...

Нет, высота четвертого этажа в промежутке между двумя балконами меня ужасно удручает. И голова от высоты у меня естественно кружится. А еще я в одной только белой шелковой комбинашке и белых чулках, и все. Ну, это лучше, чем прыгать с балкона на балкон в свадебном платье, не находите? А иной одежды в моём распоряжении не имелось.

Уф-ф, кажется, из моего сумбурного рассказа ничего не понятно. Кто я такая, почему у меня распухший нос и кровит губа и как я вообще докатилась до того что сбегая из номера для новобрачных в одной только ночнушке, забыв надеть под неё трусы?

Сколько у вас вопросов... Ну, давайте с последнего, трусы я не надела, потому что надевать мне нечего. Те стринги, что шли в комплекте с этой комбинашкой, лежат разорванные на полу в номере, и надеть их не представляется возможным. Ну кто мог подумать, что мой новоиспеченный муженек окажется настолько страстным, что решит что порвать на мне трусы – это прям отличная идея. Впрочем, на тот момент я ничего против не имела.

Ну, скажем честно, вряд ли мой муж предполагал, что после первой брачной ночи я буду прыгать по гостиничным балконам в чем мать родила. Да что там, я и сама этого не предполагала, но мои планы скорректировала жизнь.

Ну... Как жизнь...

Правая рука моего мужа и скорректировала. Та самая, что

ударила меня по лицу так сильно, что я, только-только встав с постели, чтобы обнять его, вышедшего из душа, кувырком полетела на пол.

Лелеяла романтические мечты, а, Соня? О том, что муженька тебе папочка нашел замечательного? Получай свидание с реальностью!

Было больно. И плечо я ушибла сильно.

– Ты что, озверел? – взвизгнула я, поднимаясь на ноги, и тут же получила вторую оплеуху. Тут уже упала снова. Спасибо, в этот раз хотя бы на кровать. Господи, какая же у него тяжелая рука... Хотя я в принципе первый раз столкнулась с такой темой, как насилие в мой адрес. Папа у меня хоть и строгий, но и пальцем не тронул ни разу за всю мою жизнь. А тут?

А Сережа, мой уже двенадцать часов как муж, молча стоял надо мной, тихонечко поскуливавшей от боли и пытающейся разглядеть хоть что-то кроме точек, мечущихся перед глазами.

– Какого хрена? – простонала я, наконец садясь на кровати.

Мы только что занимались... Ну, чем там обычно муж и жена в первую брачную ночь занимаются, и все вроде только что было нормально, Сережа доделал все, что мог доделать, снял презерватив и ушел в душ. Ладно, физиономия у него была при этом немножко странная, но я в принципе не так близко знакома с Сережей, откуда мне знать, какое у него

выражение лица, когда он трахается? Я, если честно, вообще не знаю, какое там может быть выражение лица у мужика после того, как он потрахается.

Если вы сейчас меня спросите, а какого мифического создания я оказалась замужем за малознакомым мне Сергеем Бариновым, то тут у меня одно объяснение – вообще-то брак наш сугубо договорной, и... Да, так бывает. Я, может быть, и хотела бы чего-то сказочного и романтического, но у моего отца на меня были иные планы. А я... Я не из тех, кто спорит с папой. Тем более что с Сережей мы общались полгода до свадьбы, он казался мне вполне симпатичным, приятным парнем.

Сережа был обходительный, смешной, я находила в этом очарование. Без ума влюблена не была, но единственный раз я в своей жизни влюблялась в пять лет, с той поры гораздо больше в моей жизни определяли прагматизм и цинизм моего отца.

“Ты – дочка Афанасьева, София”, – любит поговаривать мне папочка. – А значит, вокруг тебя обязательно будет крутиться всякая нищая шваль, которая будет рассчитывать обвести тебя вокруг пальца и поиметь меня на деньги. Даже если бы ты была страшная – они бы крутились, а ты у меня хорошенькая получилась. Вся в мать. Её я хорошо выбрал. Значит, швали будет много”.

Так оно и было на самом деле. Было немало парней, которые пытались за мной ухаживать, но они довольно быст-

ро испарялись после того, как папа обрисовывал им, что выставит дочь, то есть меня, с голой задницей на улицу, если я вздумаю проникнуться чувствами к какому-нибудь голодранцу. Папа, разумеется, это говорил не всерьез, так, “для проверки чувств”, но мальчишки-то об этом не знали. И знаете, как восхитительно отрезвляет, когда тот, кто неделю назад, смущаясь, говорил что ты ему нравишься, послезавтра уже подкатывает к твоей подружке Маринке, у которой тоже деньги есть, но папа не такой резкий.

И вот ты выбираешь неплохой вариант, папа одобрил, парень весьма приятен, отличает Мане от Ван Гога, что в фас, что в профиль, что по работам. Полгода с ним встречаешься, проникаешься, думаешь – ну окей. Ну все равно же придется замуж, и папа намекает, что этот брак откроет ему хорошие перспективы, и...

И вот!

Стоит себе надо мной этот “приятный парень” с таким отвращением, будто и не меня водил на выставки, не меня целовал украдкой на прощанье, не мне говорил, что я, мол, ужасно очаровательна. Ей-богу, не на всякое дерьмо так смотрят.

– Ты еще спрашиваешь, да, потаскушка мелкая? – холодно выдыхает Сережа, и я чуть не откусываю себе язык.

Вот просто: “Какого хрена (2)”.

А меня тем временем прихватывают за волосы и тыкают лицом в белую простынь на кровати, как напакостившего ко-

тенка. И снова больно, снова я взвизгиваю от такой грубости, потому что – какого черта он так со мной обращается? И что, что ему вообще надо?

– Кровь где, кровь? – яростно шипит мой муж. – Знаешь ли ты, что твой отец мне гарантировал твою целку? И на что я, собственно, повелся вообще, по-твоему? У меня таких как ты – как грязи. Жениться на шлюшке в мои планы не входило.

Я практически гложу от этого заявления. Убойного заявления. Он повелся? На мою девственность? Охренеть. Нет, я слышала, что некоторые мужики видят в этом такой фетиш, что готовы любые деньги заплатить, но... Никогда не думала, что стану участником таких отношений. И тем более что рекламировать меня по этому показателю будет мой отец...

– Кровь где, сучка, – не унимается Сережа и, дергая меня за волосы, снова бьет меня по лицу. Теперь уже задевает и по носу, и по губам. Хороший такой удар, если рассуждать с точки зрения силы.

– Не знаю я, не знаю, – взвизгиваю я, и это все, на что меня хватает. Я и вправду ни хрена не понимаю. Да, помню, что-то говорили, что при дефлорации должна быть кровь. И да, вижу, что на простынях её нет. Но блин, мне что, к деве Марии сгонять за справочкой, что я ни с кем не трахалась? А я ведь ни с кем, посмотрела бы я, как бы кто-то другой попробовал побегать по мальчикам при моем-то отце.

Мне с шестнадцати лет вбивали, что я должна первый раз

заняться сексом только с мужем и только после свадьбы. И нахер-нахер блядство и всякие залеты. Отец оторвал бы мне ноги и на место бы не пришел. А я... Я хорошая папина девочка, вашу мать, я не из дебилок, которые чуть что – пытаются бунтовать и торопятся с кем-нибудь перепихнуться. У меня учеба, мне было чем заняться кроме того, чтобы поддаваться кипению гормонов. Тем более – какой секс, когда дни расписаны по минутам даже в дни учебы – верховая езда, испанский, английский, гимнастика. Все это само по себе не выучится, само не сделается. А когда нет учебы – есть пиджачок администратора отцовского же ресторана, потому что нехрен на отцовской шее сидеть, да-да.

Но... Я не знаю, как оно должно быть. Вот он, мой первый раз, и он явно прошел не так, как нужно, потому что Баринов (называть его Сережей у меня язык уже не поворачивается), кажется, вот-вот сорвется с катушек. А я не знаю, не знаю, что ему сказать про эту чертову кровь. Откуда я знаю, почему её нет, а?

– А я знаю! – рычит Баринов, продолжая драть меня за волосы. – Вы с батенькой меня поимели, он подсунул мне шлюшку и заставил на ней жениться.

– Нет, нет, – едва пищу я, вцепляясь в его руку, пытаюсь разжать его пальцы на своих волосах, но мой долбанутый на голову муж – а его долбанутость становится все более очевидной с каждой минутой – и слышать не хочет.

– Вы только просчитались, дорогие, – шипит Баринов, все

сильнее выкручивая мне волосы на затылке, у меня от боли уже слезы рвутся из глаз, – нахрен мне не нужна использованная жена, на развод подадим завтра же. А сегодня... Сегодня я, пожалуй, дорогая, поделюсь тобой с моими друзьями. Тебя когда-нибудь пускали по кругу, шлюшечка? Вот сейчас твой звездный час пришел.

Швыряет меня лицом на матрас, хватает с тумбочки мой мобильный телефон и сваливает из номера. А я...

А мне нужно пояснять свое состояние?

Я первые секунд десять ни хрена не соображаю от шока. Что? Что вообще происходит? Это какой-то дерьмовый кошмар? За что себя нужно ущипнуть, чтобы проснуться? Но эта боль – это не сонная боль от кошмаров, и я вполне себе ощущаю, как ноет разбитая губа, по которой скользнул перстень на одном из пальцев Баринова, и он же чудом не снял с меня скальп, я бы точно проснулась от такого, если бы спала.

Это реальность. Это – черная, странная, ужасно непохожая на мою привычную жизнь реальность. Где после свадьбы моя карета превратилась даже не в тыкву, а в какой-то медвежий капкан, который запросто может покалечить.

С кровати меня подбрасывают инстинкты самосохранения. Потому что до меня вообще-то доходит смысл обещания Баринова. Пустить по кругу. Нет, я, конечно, домашняя девочка, даже порнушку ни разу в свои двадцать два не смотрела, но я примерно представляю, что это такое и... Нет, ни хрена веселого в этом нет. Осталось только понять, как

выбраться из номера для новобрачных, если коридор один, лифта – два, но вероятность наткнуться на возвращающегося Барина с его друзьями пятьдесят на пятьдесят... А этаж пуст, помогать мне некому, даже если голос сорву оравши, никто не выйдет.

И даже если допустить, что мне удастся привлечь муженька к ответственности позже – чем это уже поможет, если меня все-таки да? Я сомневаюсь, что события такого рода можно пережить спокойно, мне даже думать об этом было грязно, не представляю, как такое можно взять, забыть и пережить. И не хочу представлять.

Так я оказываюсь на балконе. Трудность на самом деле не в том, чтобы перепрыгнуть с балкона на балкон, это было относительно несложно, особенно когда твое “хобби” – легкая атлетика и скалолазание, но какой прок? Я уже говорила – Барин забронировал под себя весь этаж с номером новобрачных, что несложно, когда ты – управляющий гостиницы и единственный любимый сын её хозяйки. Он вообще бы забронировал всю гостиницу, но его мать отдала третий этаж какому-то своему приятелю, а тот, не мудрствуя лукаво, устроил на нем секс-вечеринку.

Как в одной и той же гостинице может проходить одновременно и секс-вечеринка и чья-то свадьба? Ну вот, и меня это немножко бомбило, но, судя по всему, Бариновым хорошо отстегнули за этот “моральный ущерб”, а они, видимо, решили, что и на бракосочетание с моей девственностью силь-

но потратились и надо как-то компенсировать. В общем-то все протекало, конечно, мирно. В ресторан никто не влетал с плеткой наперевес, но поднимаясь с муженьком в лифте на наш четвертый этаж, мы наткнулись на девочку в кожаном купальнике и чулках. Всего-то...

В общем, прыгать надо не влево и не вправо, а вниз. И... И хорошо, на самом деле, что номер для новобрачных был не с той стороны, где располагался гостиничный подъезд. Тут была только тишина, река, зеленый газончик для улады зренья и все. Не представляю, как бы я так висела, держась за металлические прутья, над головами людей.

Нет, нужно поторапливаться. Не так уж долго добраться до ресторана, не так уж долго собрать кретинов-дружков, что там бухают, скоро Баринов вернется, а я тут все еще вишу... Да и руки не железные, еще пару минут выдержат, а потом придется мне кляксой растечься по асфальту.

Раз... Качаюсь телом вперед. Два... Еще раз. Три – и разжимаю руки, приземляясь на плитку балкона снизу. Страшно. Пипец как страшно. Особенно сейчас, когда вроде все осталось позади, и только тело сводит в панике, хочется суккожиться клубком на полу и не двигаться, а ведь это еще не все. Это только первый шаг. Паника, истерика – это все потом, сначала я вытащу свою жопу из жопы, как бы тавтологиично это не звучало.

Что делать теперь? Прыгать дальше? Нет, пожалуй, я не вынесу еще три прыжка вниз. Не психологически, ни фи-

зически. Слишком рискованно. Это на скалодромах я могу торчать часами, если мне их кто-нибудь дает, а здесь нет ни экипировки, ни страховки. Сорвусь, как пить дать сорвусь, просто соскользнут мои потные ладошки в нечаянный момент. А потом во всех газетах: “София Афанасьева покончила с собой сразу после свадьбы”. И похрен им, что я даже не собиралась.

Если бы балконная дверь была закрыта, мне бы все-таки пришлось перескакивать дальше, но... На мое счастье и балконная дверь открыта, и свет в номере уютно так горит. Хорошо. Это был этаж секс-вечеринки, комната пустая, видимо, её владелец зажигает либо в холле этажа, либо в каком-нибудь другом номере. Хотя почему? И этот большой и просторный, самое оно для оргий...

Позже я понимаю, что, встав под камерой, чтобы не палиться хотя бы сразу, я все равно на многое не обратила внимания. Не подумала, что включенный свет означает, что хозяин номера не так уж и далеко, не обратила внимания на брошенный на спинку кресла пиджак и шум воды тоже не услышала.

Поэтому, когда из ванной выходит мужчина в белой рубашке с закатанными рукавами, – у меня, стоящей в проеме балконной двери, случается очередной приступ паники, да и он – он тоже замирает, разглядывая меня. Да-да, меня, на которой кроме белой шелковой комбинации и чулок и нет ничего...

Глава 2. Попрыгунья-стрекоза

У него темные глаза. Это, пожалуй, первое, что я вижу. И некоторое время больше я не вижу ничего, потому что просто замираю как тушканчик, столбиком. Будто меня поймали на месте преступления. У меня даже сердце биться на пару секунд перестает. На языке сухо.

Потом мой взгляд скользит дальше – по темным волосам, по простой, но очень мужественной прическе... Мой незнакомец – тонконосый, чем-то напоминающий хищную птицу.

Я знаю класс этих мужчин – класс моего отца. Они всегда заселяются в гостиницу и смотрят не на персонал, а сквозь него, вспоминая лишь тогда, когда “предмету мебели” надлежит выполнить свою функцию.

Господи, сколько ему лет? Он точно младше моего отца, но... Но не так уж и намного. Между ним и мной совершенно точно больше лет разницы. Нет, в волосах нет седины, передо мной один из тех мужиков, которые с каждым своим годом матереют все сексуальнее, но все-таки...

Так, Соня, стоп, ты не будешь взвешивать сексуальность этого мужика. Не сейчас. У тебя и настроения нет, и вообще-то он тебе почти в отцы годится, и ты что, совсем шибанулась? Это у тебя так истерика обостряется?

Вообще оценивать этого мужика как секс-объект было нельзя. Ну потому что нельзя. Он был из тех, кто входил

в помещение, окидывал тебя ленивым взглядом, взвешивая все за и против, а потом либо еле заметно кивал, соглашаясь, так и быть, до тебя снизойти, либо шагал дальше, оценивая все мимо проходящие объекты аналогичным образом. Оценивал всегда он, и таким не отказывали. Ну, почти все не отказывали, кроме всяких там хороших девочек, которые “но я Сереже отдана и буду век ему верна”.

Господи, ей-ей, вот лучше бы я ни в чем себе не отказывала и трахалась с кем попало. Может, в этом случае моему отцу не приспичило бы делать мою девственность пунктом моей “рекламной кампании”. Так, нужно не забыть устроить папе истерику по этому поводу. Да, не забыть! С пяти лет не практиковала, самое время обновить навык.

Гарантировал мою девственность. Капец, как мерзко это даже внутри собственной головы проговаривать. Что, папочка, других достоинств у меня не водится, да? Как оказалось – не водится и этого. Ну, по крайней мере, по Сережиным критериям не водится.

– Детка, ты что, из ночных бабочек? – задумчиво интересуется мужчина, разглядывая меня, замершую перед ним в ступоре. – У вас там настолько жесткая конкуренция, что теперь вы порхаете по балконам, лишь бы добиться внимания клиента?

Когда я успела разреветься – я не знаю. И не то чтобы я хотела, я пыталась удержать себя в руках. Но... Почему меня все сегодня равняют с шлюхами, а? И одного только

малюсенького напоминания достаточно, чтобы истерика все-таки сжала пальцы на моем горле.

И больно, горько, паршиво, настолько, что все, что я могу, – это забиться в угол за занавеской, скукожиться и реветь. Может, если он увидит, насколько я жалкая – отстанет? А если... Если охрану позовет? Господи, только не это. Узнает охрана – узнает и Баринов. И тогда... Только от одной мысли об этом меня начинает трясти еще сильнее. Если Баринов узнает, что я сбежала – мне не поздоровится даже сильнее, чем он мне обещал.

И я... Что я могу сказать? Я – в белых драных чулках, кружевной комбинации – и даже без трусов под ней. Пальцы тянут край комбинашки пониже. Была бы моя воля – я бы дотянула его до лодыжек. Жаль, у гребаного шелка совершенно нет такой эластичности.

Надо собраться. Надо встать и собраться. А не то...

Незнакомец, в номер которого я вломилась, охрану вызывать не спешит. Отдергивает занавеску, за которой я прячусь, прихватывает меня за плечо, тащит куда-то. В ванную.

– Умывайся. – От его голоса у меня мороз по коже. – У меня аллергия на женские сопли, так что шевелись.

Бесцеремонное хамло. Вот правда. Хотя... Хотя хватит с меня церемонных психов, которые обхаживают по полгода, а потом оказывается, что они так к товару присматривались. Я подчиняюсь, украдкой скользя взглядом по сторонам. Если хочешь узнать ценник за свой номер – загляни в ванную.

Белый мрамор отделки, золоченые краны... Даже при том, что отель у мамочки Баринава был люксовый, все равно этот номер выбивался за пределы обычного ценника. Президентский? Соня, сходи к цыганам, может, тебя сглазили? Вот этот тебя точно вышвырнет голодным акулам охраны Баринава, будто стряхивая с белоснежного рукава досадную пылинку.

– Успокоилась? – ровно интересуется за моим плечом мужчина, и я даже вздрагиваю от его голоса. Вот вроде не резкий, не враждебный, но... Но почему-то все равно заставляет вытянуться в струнку. Или это рабочая привычка – всегда видеть в таких людях только клиентов? Гостей ресторана, к которым надо подойти, раз уж они пожелали тебя видеть и выслушать их пожелания насчет обслуживания.

– Да, спасибо, – выдавила я, понимая, что от меня ждут ответа.

– Я все еще жду объяснений, крошка. – Класс прочности его голоса – “дамасская сталь”. – Кто ты такая и что ты делаешь в моем номере?

– Почему вы не звоните в охрану? – тихо уточнила я, разворачиваясь к нему лицом. Решимости хватило только на это, потому что – стоило только наткнуться взглядом на едко поджатые губы. Вот тут вся моя смелость разлетелась в стороны мелкими брызгами, будто морская волна, налетевшая на каменный риф. Что за мужик... И я перед ним в таком виде...

Он не ответил мне ничего. Лишь еще ядовитей прищурил-

ся, будто подчеркивая, что я в его глазах лишь забавная зверушка, а забавной зверушке вопросы задавать не полагается. Ну и да... Охрана? Для того, чтобы справиться со мной? Тощей, растрепанной и почти голой? Да он меня может взять за шкирку и вытолкнуть в коридор самостоятельно. Без охраны.

Выбора у меня не имеется. Я рассказываю. Все, что могла, в основном про угрозу мужа, обогнув тему отсутствия девственности как таковую, потому что вот это кому попало знать не полагалось. Объяснила и почему сбежала, потому что... Ну нет у меня сомнений в словах Сергея Барина. Он никогда не бросается словами на ветер. Сказал “пустит по кругу” – и именно это он и сделает, как только до меня доберется вместе со своими друзьями. А я... Мне надо объяснять, почему я безумно боюсь такого будущего?

– У вас... У вас просто был балкон открыт, – тихо добавляю я в конце рассказа, оправдывая свое присутствие в его номере.

– Ну я ж не думал, что тут летучие зайцы по балконам скачут, – задумчиво произносит мужчина, разглядывая меня. – Хотя нет, даже если бы подумал – не закрыл бы. Когда еще мимо пробежит такая история, да еще и с такими красивыми ногами...

Под его цепким взглядом мне хочется съежиться. И как-то резко вспоминается, что я стою перед ним почти голышом. Ну серьезно, что там скрывает эта тонкая комбинашка. Вон

даже соски сквозь ткань торчат... Блин.

– И что ты будешь делать дальше, зайка? – с интересом уточняет незнакомец. Зайку мне, видимо, следует сглотнуть. Плевать. Он меня не зажимает, не бьет и не трахает. Хотя...

– Соня, – тихо произношу я, чуть опуская глаза. В конце концов, ну не может же он вечно называть меня как проститутку? Да?

Мужчина щурит свои пронзительные глаза, явно взвешивая мысль, стоит ли именовать меня так, как я прошу, или пропустить мои слова мимо ушей.

– Хорошо, что ты будешь делать дальше, Соня? – мягко интересуется он. Нет, серьезно, какой-то до крайности обкуранный персонаж. И что ему от меня вообще надо? И что я, действительно, буду делать дальше?

– Мне нужно как-то выйти из гостиницы, – медленно отвечаю я. – Там я смогу уехать.

Звучит просто. А просто ли выйти из гостиницы, напичканной камерами и с охраной, пасущейся у каждого входа? А если ты, прости господи, выскочила из номера в одной только тоненькой эротической ночнушке? Нет, всегда попадают фрики, сам же Баринов, еще в бытность свою Сережей, рассказывал про мужика, который пару раз бронировал у них весь отель сразу, ходил между номером и рестораном исключительно голышом. Но, во-первых, я не олигарх такого порядка, мне подобную экзальтированность не спустят. А во-вторых, я одиннадцать часов назад стала женой управля-

ющего этой гостиницы. Меня не то что не выпустят, меня на руках к мужу отнесут, решив, что я свихнулась или перепила.

– А еще тебе как минимум нужно прыгнуть в такси и чем-то там расплатиться. – Мой собеседник предпочитает не молчать, а до основания разрушить мои и так осыпающиеся иллюзии о “простоте” моих перспектив. – И что-то я сомневаюсь, что под резинкой твоего чулочка спрятана кредитная карточка.

– Если я доберусь до дома – за меня заплатит отец, – возражаю я. Жаль, конечно, что перед “первой брачной ночью” пришлось отпустить водителя. Ну кто мог предположить, что он мне может понадобиться? И даже вызвать его я не могу – Баринов перед уходом забрал мой телефон.

– Ну, это если допустить, что так и будет, – скептически кривит губы мужчина. И ужасно раздражает меня этим легким наездом на моего отца.

– Не трогайте моего отца, – недовольно шиплю я. – Вы ничего о нем не знаете.

Я никогда не думала, что взглядом можно отвесить пощечину. Вот у этого взгляда незнакомца был именно такой эффект. Я аж отпрянула, до того резкий и яростный был тот взгляд.

– Ох, прости, крошка. – Голосом он явно хочет проморозить меня до хруста. – Да, разумеется, я не знаю твоего папочку. А ты знаешь нравы московских таксистов? Уверена,

что доберешься в таком виде до папочкиного кошелька? Тут я тебя чуть ненароком не трахнул, прежде чем разобраться, а таксисты народ попроще, у них предохранителей чаще всего нет. А у тебя, знаешь ли, прекрасные ноги, малыш, да и все остальное – довольно аппетитно. Ну так что, доберешься ли ты живой и неоттраханной до папочки, как думаешь?

Он оскорбляет меня своим тоном, выражением глаз, позой – всем своим высокомерным существом, глядя на меня как на соплячку, дешевку, которой он давал шанс, а она его так бездарно профукала. Эй, да что я сделала-то, товарищ? И почему мне так паршиво от этого его отношения.

И все-таки он прав, цинично меня натывая в мои “заманчивые перспективы”. Меня в таком виде любой примет за шлюху. Нихрена мне просто не будет. Но что мне делать, мать твою?

И снова начинает драть в глазах, снова не хватает воздуха для дыхания, снова бессильно стискиваются пальцы тонкий шелк комбинации. Больше мне руки занять просто нечем.

– Успокойся. – И снова звучит приказ, прошивающий меня как нить от затылка до копчика. Что за магией такой обладает этот мужик, заставляя меня одним словом отключиться от паники? Вот так, остро, чтобы, оп – и нету слез, нету истерики, есть только я и пустота в моих мыслях.

– Простите. Я просто сейчас никак не соображу, что мне делать, – тихо выдыхаю я, выпуская из пальцев край комбинешки. Я уже засветила слишком многое, что вообще сле-

довало бы скрывать. Все сегодня катится в тартарары. И если я что-нибудь понимаю сейчас, так это то, что у меня две альтернативы – обратно к Сереже и его уже наверняка явившимся друзьям, или куда-нибудь в такси, где, в общем-то, со мной скорее всего сделают то же самое, только возможно меньшим количеством членов.

И надо что-то выбирать среди этих двух “потрясающих” вариантов или изобрести наконец невозможный третий, а не смотреть на мужчину напротив себя, как будто он был какой-то неизвестной скульптурой Родена.

Он вообще странный. Стоит себе, пялится на меня в этой чертовой ночнушке и в этих чертовых чулках, заставляя мои щеки пылать от смущения, но не совершает ровным счетом никаких поползновений в мою сторону. Может, у него стратегия такая? Типа “все равно никуда не денется”? И в принципе – да, никуда я не денусь. Между спящей Сциллой и голодной Харибдой выбор сделать не сложно.

И все же после долгого взгляда на меня он едва слышно вздыхает, прикрывая глаза, будто сдаваясь собственным мыслям. Выражение лица перестает быть таким ледяным.

– Я могу помочь тебе выйти из гостиницы и добраться до дома, – произносит он ту фразу, которую я и не ожидаю услышать от малознакомого мне мужика. – Хочешь?

Глава 3. Дитя без глазу

– Вы хотите мне помочь? – недоверчиво переспрашиваю я, поворачиваясь к своему безымянному незнакомцу лицом.

Мне это странно. Я выросла в семье, в которой мне привили здравый цинизм в отношении к людям. Никто не предложит тебе помощь по доброте душевной. И вообще, твои интересы, Соня, ты должна защищать сама. Без чьей-то помощи.

– Я могу тебе помочь, – поправляет меня он. – Хочу ли? Мне в общем-то плевать, делать это или не делать, мой вечер на сегодня абсолютно свободен, так что для разнообразия и от скуки я могу поиграть в Деда Мазая и спасти одну напуганную зайку.

Вот ведь. Далась ему эта зайка. Будто к языку прилипла. Но я, разумеется, не скажу этого вслух. Покуда он мне предлагает помощь, и не скатывается в откровенное хамство, я вообще не буду его злить.

– И что вы от меня хотите за свою помощь? – я так нервно и тесно переплетаю пальцы, что кажется, вот-вот их переломаю.

Мужчина окидывает меня долгим взглядом и ухмыляется.

– Даже не знаю, что выбрать. С тебя же столько можно поиметь, зайка, – насмешливо замечает он. – ну, если тебе так хочется со мной расплатиться – оставишь мне чулочек

на память. Как Золушка принцу туфельку оставила, так ты мне – чулок.

– Вы что, фетишист? – слабым голосом интересуюсь я.

– И это самое безобидное из моих увлечений, зайка, – он смеется. Легко, непринужденно, свободно. Даже обидно немножко. И стыдно. У меня тут вообще-то драма, а он – ржет. То ли я такая дуручка и мои проблемы – действительно детский сад, то ли просто... Хотя, кто я ему такая, чтобы он парился моими проблемами. А он меж тем мне помощь предлагает.

– Ну так что, – уточняет мой эксцентричный потенциальный спаситель, – хочешь ли ты, чтобы я тебе помог, зайка?

– Хочу, – тихо выдыхаю я. Тем более что цену он назвал совершенно дурацкую. И второй чулок могу приложить, в качестве бонуса. Хотя так не бывает. На самом деле выбора у меня нет совсем. Мои варианты паршивы до крайности. Его вариант... Ну, в принципе любой вариант, который может быть в голове у взрослого мужика, который сам характеризует себя как извращенца, может кончиться плохо. Но, выкуп за мою шкурку ему вряд ли может понадобиться, судя по президентской номеру и платиновым запонкам на рукавах рубашки (да, простите, я такое замечаю). Взять с меня и вправду нечего, кроме несчастного драного чулка. В конце концов, он может сделать со мной ровно то же самое, что дружки Баринова и таксисты, но... Но если бы хотел, уже бы трахнул, если уж цинично рассуждать. Так что... Есть на-

дежда, что он не врет, и ему от меня ничего не нужно, кроме как в героя поиграть и фетишиста почесать.

– Но ты должна будешь меня во всем слушаться, – вкрадчиво замечает мой странный собеседник.

– Нет уж, – я встряхиваю головой, – не во всем. Если вы скажете мне поучаствовать в этой вашей оргии – мне тоже слушаться?

Он снова рассмеялся, но во взгляде проскользнуло одобрение. Будто был доволен тем, что я не отделалась от него одним только пассивным кивком.

– Ну нет, я не настолько жесток, – протянул он. – Даже если бы ты была моей зайкой – я и то бы на такое не пошёл. Жадный очень. А ты не то что не моя, ты даже не Тематичная.

– Что мне нужно будет сделать? – тихо интересуюсь я. Честно говоря, хочется спросить, что значит "не Тематичная", но может быть, это удастся сделать позже? Сейчас как-то вообще не до этого. Чем скорее я выберусь из отеля, тем лучше.

– Для начала, тебе нужно переодеться. – Я чувствую подвох уже в его тоне. И смотрит он на меня так, будто уверен, что через пару минут я буду прыгать уже с его балкона.

В принципе, я довольно быстро понимаю причины такой его уверенности. Как только он, все с той же ухмылочкой приносит мне наряд для переодевания. Честно говоря... Честно говоря, он немногим, очень немногим скромнее на-

ряда той девочки из лифта.

— А в чем разница ? — произношу я, разглядывая предложенные мне шмотки. — Я сейчас выгляжу так же неодето, как буду выглядеть в этом.

— У тебя чудное бельишко, я согласен, малышка, — откликается мужчина. — Но во-первых, в нем тебя видел твой муженек и охрана его будет искать тебя именно по белой ночнушке, а во-вторых, маска с твоими чулками не смотрится, а она тебе очень нужна, чтобы пройти мимо охраны и не спалиться под камерами.

— А разве я уже не спалилась? — удивленно уточняю я. — В вашем же номере тоже камеры есть.

— На моем этаже камеры отключены до утра, — невозмутимо отвечает мужчина. — У меня тут приватная вечеринка, и мои гости не хотят огласки своих увлечений, понимаешь?

Я догадывалась...

Мой этаж. Моя вечеринка... Нет, я, конечно, догадывалась, что попала не к простому гостю, но чтобы к самому организатору этой закрытой оргии... Нет, меня точно сглазила какая-нибудь шлюшка, из Бариновских, тех самых, которых у него как грязи. Хотя... Ладно, пусть организатор. Сейчас мне на это уже плевать, волнует меня сейчас лишь одно: как бы добраться до дома и свалить от муженька. Лишь бы только вывел...

— Можно, я переоденусь одна?

— Ну так и быть, — у него настолько нечитаемый тон, что

я даже не понимаю, издевается он надо мной или всерьёз считает, что делает уступку.

Я переодеваюсь, одновременно чувствуя себя слегка проституткой вот в этом. Чёрное боди садится на меня как влитое. Ну, хоть руки закрыты...

А вот ногам повезло меньше, колготки в крупную сетку выглядят так вызывающе, как только можно.

На миг я замираю, глядя на себя в зеркало, а потом торопливо распускаю причёску, вытягивая из волос шпильки. Не люблю распущенных волос, мне не нравится, как начинает играть против меня шаблон "девочка-блондинка", но с этим нарядом моя свадебная прическа мало того что не смотрится, так ещё и палево страшное. Волосы рассыпаются по плечам белым водопадом, и глядя в зеркало, я в принципе понимаю, почему этот конкретный мужик называет меня зайкой. Я действительно походила на испуганную глупую зайчиху, с этими своими вылупленными от страха глазами. А ведь глазами дело не ограничилось, у меня ещё и в горле пересохло от волнения. Держать себя в руках было очень сложно. То и дело прорывалась подавляемая тревога, и меня начинало мелко трясти.

– Зайка, я тут почти состарился, – доносится до меня из-за двери в ванную.

– Выхожу, – откликаюсь я и, скользнув языком по пересохшим губам, выхожу.

Если бы не моя трясучка, убивавшая во мне всякий ин-

интерес к мужчинам, наверное, у меня бы что-нибудь да экнуло сейчас, когда я только наткнулась на него взглядом. И слюной я бы наверняка захлебнулась тоже. Потому что вообще-то он тоже успел переодеться. Или раздеться... Пятьдесят на пятьдесят в общем.

На нем сейчас только кожаные штаны и кожаные ремни на плечах, лишь подчеркивающие чёткий мышечный контур. Я таких мускулистых мужиков, пожалуй, только в кино и видела... Нет, Барин тоже был в неплохой форме, но все же его мышечный рельеф был гораздо менее рельефным, вот такой вот парадокс.

Так, Соня, окстись и подбери слюни, потому что ты все-таки зависаешь. У тебя между прочим... муж есть! Ну, да, хреновая причина для успокоения, но это вообще-то аморально, так паяться на мужиков, будучи замужем.

Впрочем, он, кажется, не обращает на то внимания, он и сам стоит, будто окутывая меня бархатом собственного взгляда. И... и это удивительно приятно. От взгляда этого мужчины по моей коже бегут крупные мурашки.

– Надень маску. – Его голос звучит неожиданно слегка хрипло.

Маска лежит на краю широкой кровати. И... И кажется, надо мной очень изящно издеваются. Маска – заячья. С длинными заостренными, как у плейбойского символа ушами.

– Какие-то проблемы? – Станный у него тон, слегка

недовольный, слегка насмешливый. Будто он понимает, почему я зависла, и ему это всё равно не нравится.

– Нет, – откликаюсь я и, подняв маску с покрывала, наделваю её. Подхожу к зеркалу, чтобы её поправить.

Он подходит ко мне со спины, смотрит в зеркало, разглядывая меня. Нет, не прикасается и пальцем, хотя ничто ему не мешает. Просто встречается со мной взглядом через зеркало, и у меня даже дыхание перехватывает.

От него кожи будто веет сухим раскаленным жаром. Я это ощущаю, даже не прикасаясь к нему. Просто кожей спины, через тонкую ткань боди.

– Ужасно жаль, что ты не из наших, – едва слышно произносит он. – Иначе отсюда ты бы вышла моей зайкой по-настоящему.

Я не нахожусь, что ему сказать. Сейчас я безошибочно ощущаю, что если до этого я его особенно не впечатлила, то в этом довольно легкомысленном костюмчике я ему неожиданно прихожусь по вкусу. И что мне с этим делать, я не особенно понимала. Становится только тревожней. А вдруг он передумает мне помогать? Вдруг все-таки решит меня того... Меня тихонько затрясло.

– Не бойся, – ровно замечает мужчина, – я обещал тебе помочь. И я помогу. Если ты мне доверишься. Доверишься ли ты мне, София?

Доверюсь ли я ему? А какой у меня выбор? Баринов? Нет, спасибо, хватит с меня "страсти" любимого муженька.

Я киваю, прикусывая губу и подавляя в себе панику. Нет никаких причин поддаваться панике и накатывающей истерике именно сейчас.

– И какой у вас план? – осторожно спрашиваю я, надеясь только, что это не слишком торопливо.

– Простой. Мы выйдем из номера, дойдём до лифта, спустимся вниз, выйдем из гостиницы и сядем ко мне в машину. Потом я отвезу тебя домой. Но до машины ты должна будешь быть моей покорной.

Ещё бы я понимала, что это значит. Звучит все просто. Но вот будет ли оно просто – черт его разберет.

– Что мне делать? – тихо спрашиваю я.

– Слушаться, – ровно произносит мужчина. – Без лишних споров и сразу же. Я приказываю – ты подчиняешься. И не спорить. Даже если тебе что-то покажется неприятным или унижительным. Готова?

Разумеется, нет. Я к такому совершенно не готова. Как далеко я успею убежать, если он вздумает приказать какую-нибудь хрень? Хотя ладно, пусть сначала прикажет.

Я киваю снова, все ещё находясь будто под лёгким гипнозом его пристального взгляда.

– Хорошо, – он чуть кривит губы, будто в удовлетворенной ухмылке. – Тогда встань на колени, зайка.

По уму, уже за это я могу психануть и разозлиться. Но тем не менее, мои ноги сгибаются раньше, чем фраза "С чего бы это?" успевает вызреть в моих мыслях. Не знаю, в чем дело,

то ли в магии его сухого требовательного голоса, с которым не хочется спорить, то ли в этом идиотском чувстве безысходности, когда встать на колени кажется меньшим из всех грозящих мне унижений.

– Умница, – мужчина одобрительно опускает подбородок. Это явно была проверка, как мне и показалось. Его пальцы впервые с выхода из ванной прикасаются ко мне. К шее. Убирают с плеч волосы. Моё горло обнимает плотная кожаная полоса. Ошейник.

До меня медленно начинает доходить, какую конкретную Тему он имел в виду. И все-таки быть хронической девственницей некоторым девочкам ужасно вредно.

Так вот какие небезобидные извращения он имел в виду... Плетки, полуголые девочки, и так далее... Капец, я везучая все-таки...

– Глаза держи опущенными, поняла? – Его советы все сильнее напоминают инструктаж. – На моем этаже тебе особо ничего не угрожает, у тебя иммунитет, моих девочек не трогают, но охрана может сюда спуститься, ты не должна вызывать подозрений и бросаться в глаза.

– Как мне вас называть? – наконец осмеливаюсь пискнуть я.

– Только Хозяином, – беспрекословным тоном сообщает мне мужчина. – Сейчас тебе моё имя ни к чему.

Как-то это слегка подозрительно, но ладно. За свою выгоду я готова потерпеть такого рода капризы.

– Идём. – Я и не заметила, как он пристегнул к ошейнику тонкую металлическую цепь и сейчас, намотав её на ладонь, он заставляет меня встать с колен. – Дольше тянуть – давать больше времени твоему ненаглядному обо всем хорошо подумать. Настал твой звёздный час, зайка.

И ладошки-то у меня тут же начинают потеть. Страшно...

Глава 4. Шило на мыло

– Красиво краснеешь, зайка, – едва слышно шепчет Хозяин, а все что я могу – только смущенно покусывать губы. Невозможно не краснеть. В коридоре народу немного, но те, что есть... Девочка в подозрительно знакомом купальнике стоит на коленях перед мужиком в кожаных шортах. Занята. Очень занята. Работает ртом. Её мужик, замечая меня, начинает двигать бедрами активнее, трахая рот свой партнерши еще безжалостней. И я даже не знаю, почему мне хочется покоситься в их сторону и приглядеться пристальнее. Ой, Соня, неужто так хотелось порнушку посмотреть? Хотя это куда эффектнее порнушки. Это живое, естественное, непостановочное...

– А почему они не в номере? – шепотом спрашиваю я, когда мы проходим мимо. Хозяин реагирует, подтягивая меня за поводок к себе. Сначала я думаю, что он злится, но мужчина лишь только почти прижимается губами к моим волосам над ухом и шепчет.

– Эксгибиционисты. Не любят трахаться без зрителей. Видела же, их только сильнее заводит, когда на них смотрят.

Какая прелесть. Интересно, сколько денег нужно заплатить, чтобы превратить целый этаж фешенебельного отеля в бордель?

– Много, зайка, – смеется Хозяин, потому что я эту фразу

не удержала и сказала вслух. – Но я не люблю экономить на своих капризах, чтоб ты понимала.

Понимаю...

– Все, цыц, прикуси свой язычок, ушастая моя, а то придется мне тебе к наряду хвостик добавить, – шепотом добавляет Хозяин. – Розовый. На анальной пробке.

Нет, госпожа судьба, я не то чтобы жалуюсь, но все-таки не могла ли ты насыпать мне в спасители хотя бы чуть менее пошлящего мужика? А то я ж так сгорю от неловкости, даже не дойдя до лифта.

Стоит войти в холл этажа, и вот тут атмосфера кичливого разврата сжимает меня в сильной хватке своих объятий. Девочка в кожаном купальнике была одета еще прилично. То тут, то там шныряют, разносят подносы с бокалами девушки в корсетах с открытой грудью, чьи соски прикрываются то наклейками с кисточками, то какими-то кожными сердечками, то вообще ничем. Меж ними попадают не менее голые девушки, одетые только в паутину из кожаных ремней. Нет, они ничего не скрывают, они только подчеркивают наготу.

Мы проходим мимо девушки, которую запутали в веревочную сеть, она висит вниз головой. И я залипаю на светлую кожу, прикрытые глаза девушки и длинные темные волосы, свисающие почти до пола.

– Вадим! – Почему я слышу этот возглас сейчас, когда меня окутывает густой жаркий воздух, кипящий от тихих сто-

нов, доносящихся то с одного кожаного дивана, то с другого? Потому что именно в этот момент Хозяин вновь натягивает цепочку на моем ошейнике.

– На колени, – тихо приказывает он. – И глаза вниз.

Условия игры и моего спасения мне известны. Я подчиняюсь тут же, а он встает за моей спиной, опуская ладони мне на подбородок.

К нам подходят, но я вижу только ноги в драных джинсах и босые ступни. Мужские.

– Здравствуй, Томми, – доброжелательно замечает Хозяин. – Вижу, вы все-таки решили явиться?

– Ты нечасто устраиваешь мероприятия такого рода. Как мы могли пропустить? – Голос у собеседника Хозяина мягкий, глубокий.

Так значит, Вадим это именно Хозяин, да?

– Леди опять нарвалась? – насмешливо уточняет Хозяин. – За что ты её в подвес?

Сложно сосредоточиться на их разговоре, пальцы Хозяина скользят по моим губам, так вкрадчиво, что я сама их размыкаю, судя по тому, что палец его толкается в мой рот глубже – не так уж я ошиблась. Я немного теряюсь, но обхватываю его пальцы губами, касаюсь его шероховатой кожи своим языком. Распутно, но я всего лишь хочу не вызывать подозрений и играть роль без ошибок.

– Леди всегда нарывалась, ты её знаешь, – отзывается его собеседник. – Хотя в подвес она сама захотела.

– Может, ты её плохо порешишь, раз она всегда нарывается?

– Ну, ты-то не нарывайся, Вадим, – смеется неведомый Томми. – Ты еще посоревноваться в порке предложи.

– Хорошая идея, но увы, – тянет Хозяин. – Не могу поставить свою зайку против Леди. Она у меня свежая совсем. Не выдержит.

– Да ладно... – Томми, от которого я видела только ступни с широкими короткими пальцами, присел на корточки, и теперь в поле моего зрения попала белая майка и руки, с широкими ладонями. – Взял неофитку? Ты?

Хозяин прихватил меня за волосы, заставляя запрокинуть голову. Глядеть на него снизу вверх, встречать взгляд темных пронзительных глаз было... Жарко. Вот прямо окатило колким волнительным теплом от макушки и до носков ног. И почему-то даже то, что он прихватил меня за волосы, совсем не озаботило. Он делал это как-то аккуратно, было почти не больно. Отчасти я, может быть, даже хотела, чтобы он сделал это грубее. Ох, Соня, о чем ты думаешь...

– Очень вкусная девочка, – хрипло замечает Хозяин. – Увидел и понял, что мне плевать, что она неофитка. Таковую не лень и обучить.

Почему «обучить» в его исполнении звучит как «испортить»?

– Занятно, – хмыкает Томми. – Послушная?

– О да, – краем рта улыбается Хозяин. – Удивительно послушная. Я очарован.

На идиотскую долю секунды мне даже хочется, чтобы это его утверждение вдруг оказалось правдой. Я не знаю почему! И да, мне ужасно стыдно ловить себя на этой мысли. Здесь, сейчас, где вокруг творится непотребство, мне почему-то не хочется уходить. Еще бы угрозы появления Барина над моей головой не висело, и... Если папа не узнает... Я бы побыла еще немного. С Вадимом... Ох, попадос!

– А ходили слухи, что ты вечер устроил, чтобы сабу найти, – задумчиво сообщает визави Хозяина, поднимаясь на ноги. – Потому что Афанасьев твою Эльзу купил.

Он произносит это негромко, явно желая, чтобы никто этого особо не услышал. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не вздрогнуть от того, что звучит фамилия моего отца. В основном меня удерживал взгляд мужчины, смотрящего мне в глаза, и его пальцы в моих волосах, неожиданно сжавшиеся сильнее. Как же хотелось закрыть глаза... Блин, да что за хрень со мной происходит?!

– Врут, – спокойно тянет Хозяин. – Эльза мне надоела. А уж то, что Афоня за мной Нижних донашивает – это его дело. Ну, хочется ему на старости лет хоть одну толковую сабу попользовать, а сам обучить не может. Я не жадный, пускай пользуется.

– Окей, я понял твою версию, – с легкой усмешкой откликается Томми. – Не буду мешать. И да, зайка хороша. Любил бы блондинок...

– Не заканчивай дружок, а то я же могу вспомнить, что и

сам неровно дышу к брюнеткам. – Хозяин даже не улыбается – угрожающе скалится. Томми исчезает с горизонта, исчезают и пальцы в моих волосах.

– Можешь встать, – отстраненно замечает Вадим, и я поднимаюсь.

Больше нас никто не окликает, скажем честно, большей части народа просто не до нас.

А в лифте...

А в лифте два мужика из охраны. У меня во рту аж пересыхает от страха, потому что их тут быть не должно. Я их знаю, они меня, в общем-то, тоже, но проскальзывают они по мне равнодушными взглядами и подобострастно улыбаются Вадиму.

– У вас все в порядке, Вадим...

– Да, – обрывает их Хозяин, а потом снова тянет меня за поводок. – Лицом к стене, моя ушастая.

Я подчиняюсь. Во-первых, потому что знаю, что спрашивают про “все в порядке” они не просто так. Ясно ищут, но видимо, этаж Вадима неприкосновенен. Во-вторых, просто потому что да, мне так спокойнее, вдруг кто-то из них припомнит мои родинки на левой щеке? Те, которые ниже маски и по которым меня опознает отец, да и любой мой близкий. Либо Баринов на эти мои приметы внимания не обращал, либо охранники ничего не заметили.

– Даже посмотреть не дадите? – хмыкает один парень из охраны, а напарник пихает его локтем.

– На моих девочек смотрю только я, – холодно произносит Вадим, зажимая меня в самый угол.

Его тяжелая ладонь касается моей ягодицы. Горячая, до ужаса. Сжимает кожу на ней. Жадно, до боли. Хочется застонать от этого раскаленного прикосновения, потому что у меня почему-то подкашиваются ноги.

Падение в темную бездну продолжается.

Ладно...

Он играет роль. Он только играет роль. Мне только кажется, что это нечто большее.

Рано или поздно это закончится!

Я доеду до дома и больше никогда не увижу этого Вадима, и больше не будет причин находить себя так далеко от привычной колеи...

Самое тяжелое в этой ситуации – невозможность двинуться самой. Я не знаю, как ведут себя “покорные”, а сейчас мне очень хочется сделать маленький шагочек назад, чтобы лопатками ощутить... Твердую грудь Вадима? Соня! Окстись! Немедленно. Тебе еще с папой разбираться насчет этого идиотского замужества, насчет развода, папа непременно выпьет тебе мозг через ноздри, потому что он-то будет точно против, а ты, София, сейчас млеешь от мужика, которого и видишь-то... минут сорок.

Но было в нем что-то... Вот что-то такое, отчего я себя чувствую сейчас куском масла, стремительно тающим на раскаленной сковороде. И-и-и-и!!! Ну вот скажите же, ду-

ра. Не успела сбежать от одного долбанутого, повернутого на целках идиота, тут же поплыла от мимо проходящего извращенца. Который, очень не исключено, что садист какой-нибудь, вон про порки они с этим Томми вполне себе говорили. Что у Сони в голове? Правильно – сладкая вата.

Но как же странно ощущать Вадима – Хозяина за своей спиной. Его пальцы, ослабившие хватку и ласково, неторопливо поглаживающие кожу на моем бедре. И в животе что-то сладко сжимается. Слабо, томно, но так волнительно... Вот... Вот почему Баринов никогда на меня так не действовал? И не только он, в общем-то... Никто не действовал на меня как этот чертов Вадим. Блин. Как бы это ещё вылечить-то...

Створки лифта разъезжаются бесшумно. Охранники выходят первыми, затем вперед шагает Вадим, потянув меня за поводок.

А потом он резко останавливается, и я налетаю на его голую спину. Губы наталкиваются на гладкую кожу, нос успевает вдохнуть дурманивший запах сильного мужчины. Боже, помоги... Я с ума схожу, прямо сейчас!

– На четвереньки, быстро, – резко бросает Вадим не разворачиваясь, – до выхода пойдешь ползком.

Это вообще-то чересчур. Прямо совсем чересчур. И гордая самолюбивая «золотая девочка» София Афанасьева хрен бы вот этому требованию подчинилась. А Соня Баринова пугается этим тоном Хозяина до потемнения в глазах, в мгнове-

ние ока встает на четвереньки. Благо холл гостиницы застелен темно-синими коврами.

– Вперед меня, – тихо шипит Хозяин краем рта. – И взгляд в пол. Не поднимать лица, ни в коем случае!

Когда я расскажу об этой истории Маринке – она будет орать. Громко. Потому что вряд ли послушная папина дочка Сонечка Афанасьева, за всю жизнь поспорившая с папой всего четыре раза, в её глазах может вот так без палева в эротическом прикиде и маске зайки шествовать к выходу из гостиницы на четвереньках и думать не о том, что, наверное, задница выглядит совершенно непотребно, а о том, что до дверей осталось семь метров. Шесть... Четыре...

– Вадим Несторович!

Голос Барина – как гром среди ясного неба, как ушат ледяной воды прямо мне на уши. В холле. Он был в холле. Караулил? Уже нашел, что меня нет? Поэтому Вадим потребовал, чтобы я встала на четвереньки? А сработает ли?

– Что ж вы так орете, Сергей, будто у вас миллион украли? – прохладно цедит за моей спиной Хозяин, подтягивая цепочку и заставляя меня замереть.

В поле моего зрения появляются туфли Барина. У меня вдоль по позвоночнику бегут ледяные мурашки. Сейчас он опустит взгляд, узнает меня и... И будет скандал. Прямо капец какой грандиозный будет скандал... И скорей всего, Вадим меня защищать не будет.

– Вы уже уходите? – Тон у Барина такой обходитель-

ный. – Мы думали – пробудете до утра.

Он не видит. Я стою на четвереньках в полуметре от него – и нет, абсолютно никакого узнавания. Что за магия вообще? Ему и в голову не может придти, что это могу быть я?

– Устал, – ровно откликается Хозяин. – Пришлете мне счет за моих друзей.

– Удачной вам ночи, – подхалимским тоном откликается мой драгоценный муженек.

– Сергей, – окликает Вадим, когда Баринов поворачивается, чтобы уйти. Будто нарочно меня мучает, я ведь только-только выдохнула, что пронесло.

– Да, Вадим Несторович.

До меня доходит... Я уже слышала это отчество сегодня, и в адрес Вадима... Боже... Нет, есть совпадения, неудивительно, что в Москве не одна тысяча Вадимов, но... Несторович – слишком редкое отчество. И у него конфликт с неким Афанасьевым? Нет, слишком дофига совпадений. И... Получается, в лифте он охранника нарочно оборвал пораньше, чем озвучили отчество? Неужели понимал, что я догадаюсь?

Капец, здравствуй, давно не виделись! Серьезно? А вот это уже даже круче, чем я могла подумать... И хуже... В тысячу раз хуже... Так, Соня, стоп, выйдешь из гостиницы – и будешь орать. Хотя бы в мыслях...

– Почему охрана так мельтешит? У вас случилось что-то? – придиричливо интересуется над моей головой Вадим, пока я впиваюсь зубами в нижнюю губу. Вот же надо было так

влипнуть. И да, хорошая вышла прививка от любого интереса в сторону этого... Хозяина. Мое обкуренное либидо сразу же опустило свои бутончики. И правильно... Если мой отец узнает, что я разговаривала вот с этим человеком – меня придушат быстрее, чем я успею сказать слово “папочка”.

Баринов что-то блеет, что нет, ничего особенного. Ну... Не удивительно, что он не торопится спалиться в собственном позоре и сбежавшей жене. Удивительно, что он и его мать спутались с Дягилевым и его вечеринкой прямо в день нашей с Бариновым свадьбы. Или отец не знал, или... Или его послали. В конце концов, это гостиничный бизнес Бариновых открывал отцу новые перспективы, для них самих он был всего лишь крепкий партнер. Достаточный ли, чтобы отказать от денег Дягилева? Ой, нет, кажется – нет.

– Вперёд, – тихо приказывает Дягилев, когда Баринов, отбредавшись, отчаливает. – Доигрывай роль до конца. Или могу тебя мужу отдать. Хочешь?

Какая прелесть! Мои губы кривятся, но тем не менее он прав. Спектакль нужно доиграть, тем более что нет, к Баринову я все еще не хотела. Хотя выходит, что шило я меняю на мыло. Но это мыло хотя бы меня по кругу не пустило. Пока еще...

Ковер под ладонями заканчивается. Разъезжаются стеклянные двери перед моим носом. А в моем мире все встанет на свои места, и становится совершенно оправданным это странное ощущение подвоха, что не все так просто, что от-

нюдь не благородство основная черта характера этого мужчины. И блин... Какая же я лохушка... Особенно лохушка в том, что допускала себе от него млесть...

– Можешь встать, – тон снисходительный, уже и он понимает, что карты вскрыты. И ржет над девочкой, которую попользовал, чтобы почесать самолюбие за счет её отца. Встаю. Повернуться получается не сразу. Ох, только бы сдержаться и не вцепиться ему в морду. Под камерами еще стою...

– Вы сразу эту хрень придумали, да? – тихо выдыхаю я, глядя в его насмешливые темные глаза. Стыдно ли ему? Да сейчас, Соня, размечталась. Плевать ему на меня. А вот вырядить под шлюшку дочь Афанасьева и посамоутверждаться за её счет... Получилось, да. А я, лохушка, ему это позволила.

– Почти сразу. Как только понял, что за зайку ко мне на балкон занесло, – усмехается Вадим Несторович Дягилев. Злейший конкурент моего отца...

Глава 5. Полымя

Честно говоря, я не успеваю устроить скандал. Я вообще никак не успеваю среагировать и даже прочувствовать собственными голыми ногами ноябрьский легкий минус, который вообще-то поддувал мне, пока я болталась на балконных перилах. Дягилев просто хватает меня в охапку, торопливо слетает с гостиничного крыльца, делает несколько шагов, а после запихивает на заднее сиденье уже стоящей у отеля машины, благо дверцу перед ним услужливо распахнул один из белбоев.

– Что вы себе позволяете? – вскрикиваю я. Паника? Да что вы знаете о панике? Я вот сегодня познала оттенков восемьсот этой “дивной” эмоции.

– Я спасаю твою сладкую попку, зайка, – ухмыляется мужчина, падая на сиденье со мной рядом. – Или ты хотела остаться под камерами, выйти из роли и спалиться?

Ну... Примерно это я и хотела, наверное, желательно без палева, но было у меня подозрение, что “выйти из роли” и “не спалиться” под камерами было маловыполнимо. Либо то, либо другое. Все сразу бывает только в сказочной стране радужных пони, а я слишком взрослая и циничная, чтобы меня туда пустили.

– К твоему сведению, малышка Софи, твой новоиспеченный благоверный всегда пялится на моих девочек, – сообщ-

щает мне Дягилев таким тоном, будто это очень страшный секрет. – Наверняка пялился и на тебя. И если бы ты вдруг решила выйти из образа у входа – он бы все понял. И вполне мог нас догнать. Еще и с ментами какими-нибудь. А по закону я тебе никто и удерживать права не имею. Хотя мне и очень хочется. А Баринов – тебе муж все-таки. Ему бы тебя и отдали. Боря, двери заблокируй.

Я запоздало дергаюсь, соображая, что могла выскочить из машины, но замки щелкают, и все, я в западне. Мою же мать... Все что я могу – это забиться в угол на заднем сиденье и затравленно уставиться на Дягилева.

Он разглядывает меня и усмешка не сходит с его губ. Опасная, хищная, по крайней мере, именно такой она мне кажется.

Позорище. Такой шанс на побег упустила. А ведь я уже прочувствовала, насколько у него сильные руки, так что вряд ли смогу отбиться. Плюс у него еще и водитель имеется, так что рыпайся, не рыпайся, все будет так, как захочет Дягилев. Еще и стекла затонированы, фиг привлечешь внимание хоть кого-нибудь. Нет, побрыкаться, конечно, можно, но... Был бы прок... Ну, когда хоть этот дебильный марафон неприятностей закончится вообще? Только чуть-чуть выдохнула, а оказывается, что пиздец не перешел на запасный путь, не сменил конечную станцию назначения, он мчит ко мне на всех парах, и я сама дура, сама в него вляпалась.

– Смотришь на меня, будто это я тебя по кругу пустить

собираюсь, – ехидно замечает Дягилев. Ни единого поползновения в мою сторону он не делает, но это только пока! Наверное...

– А вы не собираетесь? – Мой голос такой тонкий, как у мыши. – Не собираетесь меня...

Сил договорить слово “насиловать” у меня не хватает. Впрочем, кажется, Дягилев понимает это и так. Закатывает глаза.

– Знаешь, зайка, я могу, конечно, тебя все-таки трахнуть, – насмешливо и с легкой вкрадчивостью тянет он, – так и быть, тем более что ты вполне в моем вкусе. Но я это сделаю, если только ты меня очень хорошо попросишь.

Офигеть как это звучит. Настолько бесстыже, что у меня загораются не только уши, мне, кажется, даже кончикам пальцев на ногах неловко от такой откровенной пошлости.

– Не буду я об этом просить, – отчаянно огрызаюсь, стискивая руки на собственных коленях. Да и колени тоже стискивая еще теснее. Капец. Вот как у него вообще язык поворачивается. Он же знает, кто я, и я знаю, кто он, он же должен понимать, что я ни за что... с ним – так точно!

– Значит, придется тебе обойтись без оргазма сегодня, малышка, – пожимает плечами мужчина, – я слишком дорого себя ценю, чтобы брать силой всех дурочек подряд.

– Как нибудь обойдусь, – тихо шепчу я, как-то по инерции, хотя спорить с ним особенно и не собиралась. Но все-таки мне становится чуточку легче. Или не чуточку... Силь-

но легче.

Дягилев смотрит на меня... Странно. Будто бы даже слегка недовольно.

– Укоротить бы язык твоему благоверному, Софи, – вздыхает он с легким разочарованием. – Если бы он со своими реверансами не полез, ты бы сейчас уже сидела на моих коленях, а я бы уже тебя разогревал.

– Не сидела бы, – без особой убедительности выдавливаю я.

– Ну-да, ну-да. – Он смотрит на меня, насмешливо щурясь, будто видит, что даже я сама себе не верю.

Я бы и рада себе поверить, но, увы, слишком хорошо помню свои мысли в лифте отеля. И до лифта – тоже. Почему? Почему именно Дягилев добился от меня такой реакции? Вот хоть каким-нибудь другим богатеньким придурком был бы, не Дягилевым, о котором мне и думать-то страшно. И о том, что папа узнает, перед кем я ходила на поводке – еще страшнее.

– Что вам от меня нужно? – отчаянно пишу я, пытаюсь преодолеть еще один приступ этого наваждения. Не буду я о нем так думать. Не буду, я сказала!

– Я обещал, что помогу тебе добраться до дома, зайка, – напоминает мне мужчина. – Никто и никогда не упрекнет Дягилева в том, что он не выполняет обещаний. Еще вопросы есть?

Не может быть все так просто. Вот не может. Я же знаю,

сколько лет они с отцом пытаются утопить друг дружку. Буквально столько же лет, сколько Дягилев вообще присутствует на рынке московских рестораторов. Мне было десять, а о нем уже говорили на ужинах как о каком-то сопливом выскочке, понаехавшем в Москву из Лондона. И вот, минуло двенадцать лет, а этот выскочка оказался совершенно непотопляем, а отец почти чернеет, когда при нем упоминают фамилию Дягилева.

– Может, ты все-таки свой адрес скажешь, зайка? Или может все-таки ко мне поедem, соорудим твоему папочке повод для инфаркта? – мягкий голос Дягилева заставляет меня очнуться. Но эту фразу мне приходится осознать пару минут. Он все-таки намерен меня отвезти? Куда я скажу?

– Лучше остановите машину, – слабо выдыхаю я. – Как-нибудь сама доберусь.

– Сама? Это как? Пешком пойдешь? В таком виде? – смеется Дягилев. – Все-таки хочешь, чтобы тебя кто-нибудь оприходовал по дороге? Так принципиально наставить муженьку рога перед разводом? Так в этом и я тебе пригожусь. Или может, ты передумала разводиться? Если так, можешь снять масочку, мы еще можем развернуться прямо сейчас и отвезти тебя в горячие объятия господина Барина. И его друзей.

Как же он меня бесит, этой своей самоуверенной улыбочкой, взглядом свысока. И тем, что я сейчас от него завишу.

– С чего мне вам верить? – едва слышно шепчут мои губы.

— А я тебя хоть в чем-то обманул? — брови у Дягилева вздрагивают, в лице проступает довольно красноречивая холодность. — Вот скажи еще, что я ничего не сделал, чтобы ты вышла из отеля незамеченной. Ай-яй-яй, зайка, кажется, ты совершенно не умеешь быть благодарной. Так руки и чешутся тебя за это отшлепать.

Меня бросает в жар, потому что... да, у меня ужасно богатое воображение, я, черт побери, представила... И да, вообще-то он действительно сделал немало, чтобы на меня даже внимания не обратили. И дело не только в предоставленной одежде, которой от меня явно никто не ожидал. Именно Дягилев закрывал меня от охраны, а после вывел из поля зрения Баринова при прямой встрече. Даже окликнув его второй раз, Дягилев меня не выдал, но — я была в этом сейчас точно уверена, хотел заставить меня струсить еще сильнее.

Адрес я называю, и оставшийся путь сижу с прямой спиной, стараясь даже не коситься в сторону развалившегося рядом со мной Дягилева. Проблема только в том, что я кожей чувствую его пристальный хозяйский взгляд. И да, он меня бесит, но что-то во мне вздрагивает, будто заново переживая минуты, когда я шла по коридору отеля на поводке. Впрочем, когда его машина останавливается у отцовского дома — мне становится уже наплевать и на этот его взгляд, и на его самоуверенную ухмылочку. Сейчас я выйду и всё это останется позади! И я забуду Дягилева, как страшный сон, дурное наваждение и больше никогда так не потеряю над собой

контроль...

Впрочем, я размечталась, выйти просто так мне не удастся. Дягилев вновь ловит кончик моего поводка и подтягивает меня к себе, настолько близко, что у меня ладони упираются в его голую грудь. Пытаюсь его отпихнуть, но с тем же успехом я могла бы потолкаться с кирпичной стеной.

– Ну что ж, мы с тобой очень вкусно поиграли, зайка, – шепчет Дягилев, а кажется, что передает мне эти слова из губ в губы. – Папе не скажу, не бойся, но с удовольствием буду вспоминать. Не ожидал, что ты так вживешься в роль покорной, ушастая моя.

– Я не ваша, – раздраженно шиплю я, пытаюсь выпутаться из этих проклятых сильных рук. Проблема была еще и в том, что он на меня смотрел. И я... Я чувствовала странную слабость.

– Ой ли? – Тяжелая ладонь Дягилева ложится мне на талию, придвигая меня к нему еще теснее, причем я довольно ясно ощущаю его эрекцию, и от этого меня почти трясет. Нет, он, конечно, мне обещал, что меня не тронет, но... Верю ли я ему окончательно? Может, ему тем прикольней будет это сделать под прицелом камер видеонаблюдения, что торчат на заборе отцовского дома.

– А мне вот показалось, что тебе пришлось очень по вкусу наша с тобой прогулка, заюшка. Губешки свои ты чуть не съела от возбуждения, – продолжает мужчина, глядя мне в лицо и отчаянно меня своим взглядом деморализуя, – а в

лифте я мог ладошки подставить, ты бы в них стекла.

– Вам показалось, – хрипло выдыхаю я. И все-таки он заметил... Капец!

– Ай-яй, папочка не научил тебя всегда говорить правду? – Дягилев цокает языком. – Столько пробелов в воспитании, а попка до сих пор нетронутая?

Я не нахожусь что ответить. Я вообще ужасно лажаю, потому что, даже зная, кто передо мной стоит, прижимая меня к себе, к голой, мать его груди, я чудом не дурею. Я с трудом слышу весь остальной мир, даже гул мотора машины – будто сквозь вату. Дягилев просто смотрел на меня, а я ощущала себя бабочкой, запутавшейся в липкой паутине. Хорошо, что я в маске, иначе было бы видно еще больше моей реакции, и он бы знал еще больше о том, насколько я дура.

– Отпустите меня, – тихо выдыхаю я. – Пожалуйста.

– Воля дамы – закон, – без особого разочарования откликается Дягилев. – Передай от меня привет папе, зайка.

Его пальцы, сжимающиеся на цепочке поводка у самой моей шеи, разжимаются. И я все-таки соображаю, что это самое подходящее время, чтобы выскочить из его машины.

Дягилев меня не ждет. Его машина трогается с места, и едет дальше по улице – видимо, в поисках места, чтобы развернуться. Фух... Ну, наконец-то отстал...

Ноги, мои босые ноги тут же начинают мерзнуть, как только я ступаю на асфальт. Блин. Я и забыла про такую мелочь как ночной ноябрьский холод. Пулей лечу к воротам, по пу-

ти расстегивая зябнущими пальцами ошейник на шее. Все остальные детали моего "образа" тоже, конечно, вряд ли папу порадуют, но ошейник – это уж совсем. Избавившись от него, нажимаю на кнопку звонка, мысленно умоляя, чтобы отец не спал уж очень крепко. Так-то он крепко отмечал сегодня мою свадьбу... Представляю его “восторг” от моего появления, и уж тем более от новости о грядущем разводе с Бариновым и распаде отцовского союза с его мамочкой...

На самом деле – нет, я совсем не представляю того, что меня ожидает...

Глава 6. Бел лицом, да худ отцом

– Ты в курсе, который час, София?

Избежать столкновения с отцом у меня вообще никак не получилось бы, даже если бы я очень постаралась это сделать.

Отец не спит. Отец ждет меня в холле дома, стоит напротив дверей и его лицо довольно красноречиво говорит о его злости...

Ох, лучше бы я не видела это его лицо никогда в жизни.

Но я вижу, и очень жалею, что не отказалась серьезно обдумывать идею с залезанием в свою комнату по стене дома. Ну а что, у нас там плющ и кирпич лежит не идеально, и комната моя всего лишь на втором этаже. Еще бы пальцы так не мерзли, и... Нет. Не полезла. Зря!

Я замираю почти на пороге, отцовский разъяренный взгляд служит самым лучшим красным светом на моем пути. А как хочется забраться в горячую ванну, потом в самую закрытую из всех пижам, потом под одеяло, и уже там свернуться калачиком и разреветься. Когда будет можно, когда не будет зрителей – лишь тогда я получу право дать себе волю. Не раньше.

Но между мной и отцом был всего шаг, и он одним только убийственным взглядом заставил меня вытянуться будто по команде “смирно”.

Итак, в курсе ли я, который час?

– Честно говоря, нет, не в курсе, папа, – устало отвечаю я, зябко поводя плечами, пока мои ноги радуются после ледяного асфальта теплым полам.

– Почему ты в таком виде? – свистящим шепотом уточняет отец, каменея всем лицом.

Меньше всего сейчас я хочу оправдываться. Но я прекрасно понимаю, что мне придется делать именно это. У моего отца характер был... Не самый легкий. И... Нет, ему вряд ли будет приятно узнать, что я намерена развестись с Бариновым. Капец как быстро я наигралась с ним в семью.

В принципе, я могу понять. Маску я сняла перед тем, как войти в дом, и сейчас опустила её вниз, к колену. Но это мало спасло положение.

На мне по-прежнему надето черное боди, ноги возмутительно открыты, да еще колготки эти... Есть от чего бомбануть отцу, который не унимаясь требовал, чтобы все мои юбки как минимум прикрывали колени.

– Потому что в другом виде мне из гостиницы было не уйти, – честно откликаюсь я. Тут я оправданий придумать не успела. Да я вообще почти ничего придумать не успела, сколько у меня времени-то на это было?

– Как ты доехала? – На долю секунды мне кажется, что отцовский голос прозвучал все-таки обеспокоенно. Вот только эта ледяная яростная гримаса с его лице никуда не исчезает. Нет, кажется, если его что-то и волнует, то только не то, слу-

чилось ли со мной что-то по дороге или нет?

– Подвезли девочки с той вечеринки. Я спрыгнула на этаж ниже, там переодевались танцовщицы, несколько из них уже уходили. Они дали мне одежду и маску и довезли. – Я очень надеюсь, что эта история, сочиненная на чистом глазу за те пару минут, что я шагала до дому, прозвучала достоверно. Не то чтобы я не умею врать. Просто я очень не люблю этого делать. Но не могла же я рассказать отцу настоящую правду... Ту самую, про помощь Дягилева... Нет, я слишком хочу жить, да и не такой уж поборницей правды я являюсь.

Отец с пару минут молчит, явно обдумывая эту версию, затем бросает взгляд на наручные часы, и снова уставился на меня.

– Прекрасно, – холодно произносит он. – Третий час ночи. Моя замужняя дочь является ко мне домой в наряде профессиональной шлюхи. Да еще и ехала она в компании шлюх. Восхитительно. Представляю, что будет, когда это окажется в соцсетях.

– Не окажется, – тихо возражаю я. – Я не снимала маску. Никто ничего не докажет, даже видеонаблюдение не может обеспечить такое разрешение, чтобы опознать меня в девушке в маске.

– Ты прекрасно знаешь, никому нахер не нужны никакие твердые доказательства, – выдыхает отец, глядя на меня как на законченную идиотку. – Это просто будет утром во всех газетах, а я буду считать убытки из-за пятна на имидже всей

сети.

Увы... Увы, если это все-таки просочится – вред, разумеется, будет. Отец строит имидж сети семейных аутентичных ресторанчиков, стараясь избегать громких скандалов. Для общества – он семьянин, воспитывающий дочь, не торопящийся привести домой вторую жену. В принципе – мой разлад с Бариновым грозит закончиться громким скандалом, а то, в каком виде я сбежала из отеля – было очень отягчающим обстоятельством.

– Ты в курсе, что Сергей уже оборвал мне телефон? Он уже весь отель перерыл в поисках тебя.

Ну, допустим, я догадываюсь. И догадываюсь, что Баринов уже понял, что я убежала, но вполне допускала, что еще не понял как. А может, был уверен, что я спряталась в каком-нибудь чуланчике и рыдаю.

– А почему я сбежала, тебе не интересно? – тихо уточняю я.

– Я знаю, почему ты сбежала, – хладнокровно откликаюсь отец. – Сергей мне уже в подробностях обрисовал суть вашего семейного конфликта. И то, что я ему впарил “некондицию” уже мне рассказал.

У меня звенит в ушах. Даже от пощечин Баринова мой мир не наполнялся таким неприятным звоном, и так не пусто в моей груди. Он знает. Он знает, что меня хотел пустить по кругу не кто-нибудь, а всюю распиаренный мне и со всех сторон одобренный папочкой муженек. И... И плевать

папочке триста раз. А вот имидж – имидж ему важнее, да. Ради имиджа меня можно было положить под троих-четверых-десятерых мужиков и спокойно плюнуть на это. Добро пожаловать в реальный мир, Сонечка.

– Некондиция? – негромко произношу я, потому что все мое нутро требует немедленно ошетиниться. – Скажи мне, папочка, а тебе за мою девственность заплатили сколько, что ты про меня как про товар рассуждаешь?

Я едва успеваю договорить. Сила у отцовской пощечины была такая, что я вполне могла покатиться кубарем по полу. На ногах я удерживаюсь сущим чудом.

Ударил! Отец меня ударил! Никогда в жизни не было – и вот на тебе! Господи, да неужели я действительно должна была остаться с ублюдком Бариновым, неужели он – то чего я заслуживаю, и ничего больше? Не хочу! Не хочу так даже думать!

– Дрянь мелкая, – шипит отец, сужая глаза. – И ведь поворачивается язык хамить!

У меня! У меня язык поворачивается! Родной отец меня в глаза именует некондицией, а хамила тут я. Чудесность зашкаливает.

– Ты хоть понимаешь, насколько меня подвела? – негромко поинтересовался отец, поднимая на меня свой тяжелый взгляд. – Ничего не хочешь мне объяснить, София?

– Например? – я медленно выдохнула. – Например, почему мой отец называет меня некондицией, будто я какой-то

просроченный йогурт?

– А что, ты что-то большее, доченька? – Презрительный взгляд отца скользит по мне от макушки до босых пяток. – Ты? Я думал, что воспитал нормальную, хорошую девочку, а не очередную потаскушку, которых и так как нерезанных кур по улице бегают.

У меня на эту реплику даже цензурные слова заканчиваются. Мало мне гадостей Баринаова, мало мне оплеух и пощечин, мало мне угроз.

На самом деле я четко ощущаю, как поступает ко мне со спины кипучая, злая ярость. Еще никогда в жизни я не чувствовала себя так мерзко. Самое паршивое... Ну как ругаться с отцом? Ну последнее же дело! Но... Терпеть? Ага, а может мне еще упасть на колени, раскаяться, посыпать голову пеплом и поскакать обратно к Сереженьке? Нет. Никакой мир с отцом не стоит того, чтобы так класть на саму себя.

Нет, я была в курсе, что Олег Петрович Афанасьев – мой отец, никогда не отличался легким нравом. В семейном быту он был почти тираном, но даже при том, что он терпеть не мог хоть какие-то споры, но... Но смогла же я когда-то выбить у него право учиться не на экономическом факультете, а на юридическом. Были же какие-то границы моего личного, которые он никогда не нарушал. И никогда он не оскорблял меня, а сейчас – еще и делал это с вопиющей вульгарностью, от которой меня подташнивало.

Хорошая девочка, папина дочка, та самая, что в рот ему

смотрела с самого их развода с матерью – потаскушка.

Из отцовских уст это звучит куда более хлестко и обидно, чем из уст Баринова. Меня прошибает аж до слез, таких злых, горьких слез, когда уже не было сил сдерживаться, хотелось только яростно ощериться и вцепиться зубами в горло обидчику.

И обидчик – мой отец. Мой любимый отец, чьего одобрения я действительно добивалась столько лет. Сколько турниров, конференций, конкурсов было выиграно, лишь бы увидеть папину одобрительную улыбку.

Папа любит конкур? Ездит посмотреть на соревнования? Вот тебе папочка чемпионский кубок по конкуру, и можешь не сомневаться – наша с тобой фамилия там не по ошибке выгравирована.

Все для него, лишь бы папа гордился, лишь бы папа одобрил. И вот оно что, я в его глазах всего лишь потаскушка. Теперь-то он точно не улыбается. Соня, какая же ты дура!!! Аж зло берет!

– С кем из тех голозадых солабонов, что ты приводила в мой дом, ты спала? – Бьет меня по лицу еще одна злая, безумно обидная реплика. – Кому ты дала, говори?!

Мой дом. Второй раз уже звучит эта фраза. Такая четкая фраза, которая прям очень красиво подчеркивает, что я тут никто и звать меня никак. Вот это, кстати, действительно любимая фразочка моего драгоценного папочки. Её я слышу с завидной регулярностью, к ней успела отрастить иммунитет.

– Никому! – яростно рычу я, потому что сил держаться больше нет. – Никому я не давала, папочка, ни с кем не спала. Просто, видимо, я у тебя в принципе родилась без целки. Некондиция же! От рождения!

Плевать на все. На вульгарность, на корректность. Я сейчас исключительно зла – на отца, на Барина, на весь этот проклятый мир, который с какого-то хера швырялся в меня слишком неприятными обвинениями.

Отец замирает, разглядывая меня и досадливо морщась, будто что-то прикидывая в уме.

– Знаешь, могла бы соврать и получше, – наконец произносит он. – В это оправдание для малолетних шлюшек не верю даже я, не поверит и твой муж.

– Мне плевать, – я скрещиваю руки на груди. – Мне плевать, папа. Не хочешь, не верь. Значит, я у тебя потаскушка. Значит, я кому-то дала, если вам так проще думать.

Может, меня кто-то и осудит. Но меня сейчас почти трясет. Он меня слушать не хочет. Даже эти мои слова игнорирует, всем своим видом демонстрируя едва ли не отвращение.

И больно, как же больно, что мнение Барина ему куда важнее меня.

– Значит так, София. – Глаза отца от ярости превращаются в узкие щелочки. – Сейчас ты сядешь в машину и поедешь к мужу. Как хочешь, так и умоляй его о прощении. И будь любезна приумерить свой гонор и делать все, как скажет те-

бе Сергей. Может, он и простит такую мелкую потаскушку, как ты.

Вернуться? К Баринову? Все-таки подстелиться под его дружков? Понадеяться, что это он пошутил так? Хотя я-то знала, что чувство юмора – это совсем не то, что является достоинством Сергея Баринова.

– Никуда я не поеду, – тихо откликаюсь я, глядя в точку над плечом отца. – И с Бариновым я мириться не буду. И вообще, я завтра подам на развод.

– София, ты, кажется, думаешь, что у меня железное терпение? – разъяренным тоном интересуется отец. – Мне плевать, что за повод ты нашла для этого идиотского цирка. Ты прекрасно знаешь, я терпеть не могу твоих капризов, а сейчас ты совершенно не в том положении, чтобы показывать свой характер.

Капризов? Охренеть, каприз, сбежать от ушлепка, что вознамерился устроить мне групповое изнасилование. И... Нет, это стоило озвучить, на самом деле, просто я никак не могла набрать в себе силы для этого. Хотя... Кажется, папе и в самом деле было плевать. Вот говорят, что саможаление – это отвратительная привычка, но кому вообще сейчас было меня жалко, кроме меня самой? И неужели я не имела на него прав сейчас?

– Я не поеду к Баринову, – повторяю я твердо, изо всех сил стараясь не разрыдаться прямо сейчас. – Мне не нужна такая семья и такой муж.

– Ну, раз так, – холодно произносит мой отец, скрещивая руки на груди. – Такая дочь, как ты, мне тоже не нужна. Ты взрослая совершеннолетняя кобыла, я не обязан держать тебя на своей шее. И я не буду.

– То есть? – я моргаю, получив очередной нокаут от услышанного.

– То есть убирайся из моего дома, София, – рычит мой отец. – Немедленно!

Глава 7. Враг моего отца

Честно говоря, некоторое время, шагая по холодному пустынному кварталу, я очень надеюсь, что сейчас проснусь. Я очень хочу, чтобы все это дерьмо вдруг оказалось паршивым сном. Может, я переволновалась перед свадьбой? Да, я волновалась. Я очень волновалась и почти всю ночь не могла уснуть. Все крутила, крутила, крутила в голове тысячу мыслей о том, что может пойти не так. Вот только ни единой секунды из этого вечера я представить не могла.

Не могла представить, что буду уходить из дома, который считала родным, босиком и с пылающей от отцовской пощечины щекой.

Не могла представить, что трепетный и внимательный Сережа сорвется с катушек из-за моей “некондиции” и готов будет превратить меня в подстилку для своих дружков. Господи, до чего омерзительно даже думать о себе в таком тоне.

Холод? Да, кажется, на улице был ноябрь. Холодный, кстати, ноябрь, но я еще долго иду по улице, и до меня далеко не сразу доходит, что я вообще-то босиком, и ноги вообще-то уже сильно замерзли.

Джинсы? Куртка? Обувь? Нет, мне их никто не предложил, а я сама о них и не подумала.

Я просто развернулась и вышла из дома, как только отец указал мне на дверь. Мне и в голову не пришло одеться или

попросить одежду. С чего бы мне просить о таких больших одолжениях “любящего папочку”? Я же никто и зовут меня никак, и все шмотки куплены на его деньги или на деньги, которые он мне платил в зарплату. Тоже не легче, знаете ли. Да и даже если бы он сам мне предложил. С чего мне принимать именно его помощь? Деньги же точно важнее меня, я же поняла уже. И вот сейчас...

Сейчас я усаживаюсь на скамейку напротив какого-то магазинчика, опускаю заячью маску рядом с коленом. Почему я её с собой унесла вообще? Почему не выкинула по дороге?

Пока я без особого успеха ищу в своей голове ответы на эти вопросы, чтобы не терять зря время, подтягиваю к себе ноги и начинаю растирать стопы ладонями.

Зверски драло в горле, и уже больше не от слез, а от предвкушения приближающейся ко мне с тыла ангины. Золотая девочка Соня Афанасьева категорически не привыкла в середине ноября разгуливать в таком виде. Я ж у папы была холеным цветочком, ухоженным. Оказывается, холили и лелеяли меня не из большой любви, а чтобы если что сбегать меня ублюдку повыгоднее.

У меня начинает драть в глазах, будто песка туда насыпали. Нет, я в итоге была совершенно не готова огребать вот столько неприятностей. И я по-прежнему не понимаю, что мне делать сейчас? Обратно? К отцу? В слезах и с плачем: “Папочка, я замерзла и раскаялась, пусти меня погреться?”

Да вот еще! Лучше напроситься в местный “обезьянник” к

проституткам на пятнадцать суток, хотя кому я там на столько времени нужна... Ночь перестой и шуруй дальше. А дальше, дальше-то что?

Кстати...

Интересно, а дадут мне в полиции кому-нибудь позвонить? В принципе, я могла даже придумать кому. В конце концов, друзья у меня были. И разумеется, сейчас без денег и телефона я хрен бы до них добралась, но... Но этот мир не был абсолютно пустым, и если огибать мужиков по дуге, чтобы они не среагировали на мой внешний вид. Если добраться до людей, у которых хотя бы в должностных обязанностях имеется что-то похожее на помощь...

Эта идея кажется мне довольно перспективной. Она годится хотя бы для того, чтоб её обдумать. Нет, меня, скорее всего, и там примут за ночную бабочку или просто за маленькую потаскушку, но если я не вякну, чья дочь и чья жена – может, и дадут позвонить “другу”. И может быть, дадут посидеть на стульчике в коридоре... Не из обязанностей, но из человеческого сочувствия... Ну, в это мне верилось через раз, конечно, но шанс-то был.

В принципе, есть надежда, что мне удастся дозвониться хоть до кого-то из однокурсников. Так, а кто там с машиной и кто ко мне лоялен настолько, чтоб приехать посреди ночи хер знает куда? Ну, в принципе, в рамках ситуации “конец света” мне на помощь может прийти любой из моих одноклассников. Почти любой. Есть более надежные варианты,

есть – менее.

Хотя... Если в отделении вдруг попадется наш участковый – он может позвонить моему отцу. Но даже если и он, то что? Если папа ему лично не позвонил и не велел слать меня лесом – поможет. Прикроет. Тем более что он со мной в одном классе учился. За косички меня таскал и рюкзаки мои тоже... Таскал. До папиной машины. Но это не важно, что не до дому. Важно, что Валерик до сих пор иногда на меня поглядывал оленьими глазами.

Мысли по делу отвлекают. Я благодарна собственной циничности на самом деле, потому что... Нет, мне не хочется сидеть на скамейке и рыдать от безысходности. Не хочется видеть, как трясутся мои пальцы. Не хочется ощущать, насколько на самом деле ледяные у меня ноги, и то, сколько горечи плескалось в моей груди – тоже. Я не люблю такое свое состояние. Не люблю, когда меня развозит в эмоциональный кисель. Сейчас дела обстоят чуточку лучше, чем в гостинице. Я хотя бы примерно представляю, что делать дальше.

Напротив меня останавливается машина. И я, честно говоря, тут же вскакиваю на ноги, чтобы дать деру, потому что если это какие-то пьяные ублюдки, тоже среагировавшие на мои ноги в этих идиотских колготках, то единственное, что я хочу – так это оказаться подальше... Отсюда и от ублюдков, да.

– Ну, наконец-то я тебя нашел, зайка, – тягучий, опасный голос Дягилева заставляет меня замереть, – третий круг уже

тут наворачиваем, тебя выглядываем, а ты вон какая приткая оказалась. Далеко от дома ускакала.

Я в шоке. Я в таком количестве шока, что никакой лопатой не разгрести, давайте сразу экскаватор. Что он тут делает? Он же уехал! Я же видела, как он усвистал вдаль по улице на своем пижонском серебряном мерсе. Третий круг наворачивает? Когда успел вообще? Это я столько времени с папой разговаривала, или он меня, бредущую в тени деревьев, из окошечка не заметил?

И... Что он хочет-то от меня вообще? Вот сейчас это особенно интересно.

Дягилев распахивает дверь, выбирается из своего чертова мерса и, скрестив руки на груди, смотрит на меня. Впрочем, смотрит недолго.

– Боря, плед из багажника достань, – отрывисто бросает водителю и шагает ко мне. Он по-прежнему голый по пояс. И плечом не ведет, плевать ему на собачий ночной холод, да? Но смотрится, конечно, весьма грутально. Эффектнее было бы только в таком вот виде на фоне заснеженного Эвереста сняться.

– Давай в машину, – неожиданно серьезно говорит мужчина, обращаясь ко мне, – пока еще у тебя осталось что-то не отмороженное.

Без шуток, прибауток, без дебильных кличек. Он так умеет? Вот это действительно неожиданно.

– Слушайте, оставьте меня в покое, пожалуйста, – чест-

но говоря, чтобы послать его, мне приходится стрательно поскрести наглости по сусекам. Потому что я очень серьезно его боюсь. Тут от отца-то я уже успела поймать по лицу, муж тоже “на ласку” совершенно не поскупился, а что ожидать от левого мужика с пристрастием к оргиям, дружками-эксгибиционистами и очень-очень своеобразными вкусами?

Дягилев смотрит на меня очень тяжело. Не долго, потом просто шагает ко мне, в явном намерении сделать то же самое, что и у гостиницы – схватить в охапку и запихнуть в машину силком.

Я отшатываюсь назад, собираясь сорваться с места и все-таки побежать. До отделения полиции не так и далеко. Ну, три квартала всего...

– Я ведь догоню, – сухо произносит Дягилев, – и вот тогда, можешь даже не сомневаться, быть твоей пятой точке отодранной и тебе придется очень старательно просить меня, чтобы я сделал это без ремня.

– Вы не имеете права, – слабо возражаю я, с трудом припоминая уголовный кодекс. Ну, должен же быть хоть какой-то прок в том, что я в перспективе юрист.

Вообще-то я даже не сомневаюсь, что он догонит. Я, конечно, с перепугу деру дам, но... Ноги замерзли и босые, пятки я очень быстро отшибу, здоровый и, что важно, обу-тый, взрослый мужик, обязательно меня догонит, если у него все в порядке с физической формой. А у Дягилева по этому показателю все вполне себе замечательно.

– Соня. В машину. Быстро, – он чеканит каждое слово, так что очевидно, как его бесит, что я с ним спорю. Впрочем, я не особенно на это веду. Ну, точнее очень стараюсь не вестись. Не бегу, конечно, но и в машину лезть не тороплюсь.

Просто смотрю на него недоверчиво, а он на меня нетерпеливо, потом Дягилев тихо вздыхает, и явно пытается чуть смягчиться в лице.

– Я не наврежу тебе. Правда, – говорит он, глядя на меня испытующе, – но тебе нужно хотя бы согреться сейчас. Я не думал, что твой отец выставит тебя на улицу в таком виде. Думал, что тебе хоть одеться дадут.

– Думали? – вскидываюсь я. – Вы-то откуда могли знать, что отец меня... Выгонит.

На последнем слове мой голос подводит, и я начинаю звучать сипло и довольно уязвимо. Что, Впрочем, весьма соответствует моему положению.

– Я не знал, – глухо отвечает мне Дягилев, – но, честно говоря, был почти уверен в том, что твой отец попытается вернуть тебя мужу. И ты, судя по всему, возвращаться не захотела. Исход был предсказуем.

– Откуда вы могли это знать вообще? – бессильно уточняю я. – И что вам от меня-то нужно? Зачем вам мне помогать?

Сложно поверить, что он знает моего отца лучше меня. Но так и получается. Это я не предсказала родительской встречи, а он... Он же еще в отеле сомневался, что отец будет мне помогать. Тьфу...

– Все разговоры будут, только если ты сядешь в машину, – безапелляционно сообщает мне Дягилев, – и поживее, зайка, я уже сам мерзнуть начинаю.

Его водитель замер у дверцы машины с пледом в руках, а я все еще никак не могу решиться. С чего ему помогать мне?

– Сонь, я уже мог тебе навредить. Ты же понимаешь? – замечает Дягилев и протягивает ко мне открытую ладонь. – Иди уже сюда.

У меня нет ровным счетом никаких причин идти к нему, доверять ему свою жизнь, но... Из моих заманчивых перспектив – ночевка в обезьяннике в компании проституток или возвращение под папочкино “теплое” крыло. Может ли быть хуже? Ну, наверное, может.

А не наплевать ли мне сейчас?

Самое паршивое, что пока я это думаю, мои ноги уже делают первый шаг к Дягилеву, с его протянутой вперед раскрытой рукой. И второй тоже делают. Почему-то мне интуитивно кажется, что вреда он мне не причинит. Почему? Я не знаю. Я вообще замёрзшая дурочка сейчас. Ну, а какие еще могут быть причины для этих далеко не самых логичных мыслей.

– Довезете до полиции? – Тихо спрашиваю я.

– Куда захочешь, зайка, – терпеливо улыбается Дягилев, и я нерешительно касаюсь его ладони. Довериться ему? Ну хоть кому-то бы... Хоть на пять минут забыть о происходящем вокруг меня аду.

Вообще самая внятная из всех причин не доверять Дягилеву – он враг моего отца. Причем именно враг, а не просто конкурент, у них там реально одна бесконечная война, такая, что удивительно, как они еще обходятся без криминала.

Но... Ну да, враг моего отца. И, думаю, прекрасно понимает, что без папочки я – ноль без палочки. Особо с меня ничего не поймешь.

А если он хочет доконать с моей помощью отца – я неожиданно ловлю себя на мысли, что не так уж и против. Гораздо больше “за”, чем в тот момент, когда пробкой вылетала из машины Дягилева, чтобы попасть домой. Мелочно с моей стороны, кто бы знал, что я такая мстительная дрянь. Но мне не стыдно.

Дягилев стискивает мою руку крепко, до боли в пальцах, а потом уже сам преодолевает последний разделяющий нас шаг. И все-таки прихватывает меня за бедра, заставляя вцепиться ему в шею.

– Ледышка, – замечает он, прямо уставляясь своими темными, почти черными глазами на меня.

Ох, уж этот взгляд. Раз поймала, и теперь даже пискнуть ни слова против не могу. Не знаю, что со мной. Не знаю, почему он так на меня влияет. Настолько оглушительно, что я практически не замечаю, как он шагает обратно к машине и ныряет на задние сиденья, укладывая меня на них. И... Наваливаясь на меня сверху. И вот тут останавливается абсолютно вся вселенная, потому что в этот момент уже и Дяги-

лев смотрит мне в глаза и, кажется, не дышит.

Твою ж мать, Соня. Кажется, ты снова прокололась...

Глава 8. Слово не воробей

Ладонь скользит по голой ноге девчонки. Без особой задней мысли, просто путешествует по затянутой в сетку гладкой холодной коже. И хоть Вадим не собирается набрасываться на девушку прямо сейчас, все равно он этому своему движению совершенно не препятствует. Просто смотрит в глаза зайки. И не вздохнешь-то лишний раз, чтобы не спугнуть её. Зрачки у девушки медленно расширяются.

Почему она так взволнована? От страха? Или все-таки от чего-то еще? Вадим перекладывает ладонь на внутреннюю сторону бедра, и теперь уже пальцы двигаются не вниз, а вверх. Малышка вздрагивает, совершенно отчетливо сглатывая и явно подавляя стон. Чувственная какая... А ведь она замерзшая, должна плохо ощущать.

– Не надо, пожалуйста, – тихо выдыхает девушка. Едва слышно, Вадим даже мог бы прикинуться, что не расслышал, но нет так нет. Жаль, конечно, но девчонку можно понять. Вряд ли её настроение вообще располагает к сексу, тем более – с первым подвернувшимся под руку Вадимом. Хотя он её все-таки трахнет. Просто чуточку попозже.

Дягилев приподнимается на руках, слезает с Сони, садится нормально, забирает уже из рук замершего у автомобильной дверцы Бориса плед, накрывает им дивные ноги Сони. Вот болван же Афанасьев, такое длинноногое чудо пускает

гулять в одиночку. Нет, Вадим уверен, что у старика Афонни не было желания выставлять дочь из дома. Скорей всего, он Софию просто решил припугнуть, рассчитывая, что она замерзнет и вернется домой послушно следовать отцовской воле, но...

Вот этому и намерен помешать Вадим. Тем более, что Сона явно может подхватить воспаление легких и еще что-нибудь не особенно аппетитное, бегая по улице босиком и почти без одежды. Так что Афанасьев Вадиму еще "спасибо" сказать должен бы за такую заботу о его дочери.

Представив, как Старик все-таки созревает на это, Вадим не может удержаться от смешка. Картина представляется бы колоритная по самой своей сути.

– Боря, у тебя горячее что-нибудь есть? – произносит Вадим, разглядывая синеватые губы зайки. Нет, у самого Вадима тоже были методы согревания окоченевших женщин, вот только эта конкретная – со стыда наверняка сгорит во время секса в присутствии водителя. И без особого повода такую нервную встряску ей устраивать не стоит.

– Кофе, – откликается водитель. – В термосе. Подойдет, Вадим Несторович?

– Давай сюда, – деловито качает головой Вадим.

Термос Боря достает тоже из багажника, по пути сделав таинственный крюк к скамейке. Что-то оттуда берет и возвращается к машине. Вместе с термосом в руки Вадима ложится и маска, которую он выдавал Соне, чтобы спрятать её

симпатичную мордашку от соглядатаев Барина. Надо же, какой Борис ответственный – хозяйское имущество примечает. И надо же – зайка сохранила масочку!

– Ошейник выбросила? – с мягким укором спрашивает Вадим, бросая на девушку косой взгляд. Спрашивает абсолютно без раздражения. Она еще не понимает ценность такой вещи как ошейник, Вадим и надевал его на неё не как на свою сабу. Так. Девочка-игрушка, случайно попавшая ему в руки.

– Простите, – виновато шепчет Соня, отчаянно ежась, и укутываясь в плед по шею. – Не могла же я домой прийти еще и в ошейнике.

– Да-а-а, твой папочка вполне мог поинтересоваться, кто на тебя его надел, – произносит Вадим, наливая кофе в крышку термоса. Наливает и принимает – от кофе ощутимо пахнет алкоголем. – Коньяк? Боря, ты что, бухаешь на работе?

У водителя пылают уши. Ну, еще бы, такое палево. Теперь понятно, почему кофе в термосе, хотя в каком-нибудь МакАвто подавали же наверняка в стакане. Но кофе в стакане про запас не отложишь, да и коньяка в него не долъешь.

– Только после конца смены, Вадим Несторович.

– Ну-ну, – скептически откликается Дягилев. – Откручу башку, если замечу. А лишат прав – с работы ты у меня вылетишь.

Впрочем, Бориса спасают от расправы пять лет верной

службы и чистая репутация. Столько лет рядом с Дягилевым держались только очень честные, верные и действительно ответственные сотрудники.

– С коньяком, – предупреждает Вадим, протягивая Соне кофе, но девушке, кажется, уже плевать. Лишь бы горячее. Обхватывает нетерпеливо своими маленькими ладошками крышку термоса, чуть нос туда не окунает.

– Спасибо, – почти шепотом произносит зайка, несмело поднимая свои глаза на Вадима. И все-таки её ему слегка жалко. Слишком много всего свалилось на эту тепличную розочку за прошедшую ночь. И муж психанул, и отец из дома выгнал, и... Вадим еще тоже за достоинство вечера точно не считается.

– Куда едем, Вадим Несторович? – спрашивает Борис, чуть оборачиваясь к начальнику.

– Домой, Боря, мы едем домой, – отзывается Вадим, разглядывая зайку, мелкими глоточками пьющую кофе.

Как он и думал, девушка тут же вскидывает глаза.

– Вы обещали отвезти меня в полицию, – хрипло произносит Соня. О, и голосок проявился. Связки отогрелись или характер?

– У меня теплее, – ухмыляется Вадим. – И бомжи по моему дому не бегают.

Насчет ночных бабочек гарантировать не стал. Сегодня их, конечно, нет, но нельзя же было сказать, что так дело обстоит всегда...

– Вы обещали, – с нажимом напоминает девушка.

– Зайка, что ты хотела от полиции, чего не могу дать тебе я? – Вадим откидывается на спинку кресла, разглядывая дочь Афанасьева и размышляя на тему того, насколько давно он находит эротичным вид замерзшей девушки. Не замечал раньше за собой такой тяги, а вот надо же, сейчас лишь сильнее заводит. Так и хочется пересадить эту дурочку к себе на колени и хорошенько её взгреть. Практически не раздевая, лишь расстегнув боди. Там и расстегивать-то всего ничего – снизу три крючка в ряд. Вадим прекрасно умел с ними управляться. Вот. Расстегнуть крючки, рвануть колготки в разные стороны, развернуть девушку к себе спиной и усадить на член. Одним движением, чтобы вскрикнула от резкого проникновения. И рот зажать собственной ладонью. Чтобы кусала пальцы, но не смела и пикнуть.

Нет, все-таки рановато он сегодня с оргии уехал. Даже не потрахался ни с кем, ни с толком, ни без толку. Даже одиночного секса не было, не говоря о групповом. И вот оно – готов броситься на мимо пробежавшую зайку. А она, между прочим, сегодня явно не настроена.

– Я хотела позвонить друзьям, – отвечает Соня, отвлекая Вадима от его озабоченных фантазий. А меж тем, он был против. Ему не хочется отвлекаться. В мыслях-то он уже девчонку и за волосы прихватил, чтобы темп её движений задавать. И почти слышал её возбужденное стыдливое хныканье. А нет. Приходится возвращаться в реальный мир, фокусиро-

вать внимание на завернувшейся в плед девушке напротив себя.

– Друзьям? – Вадим высоко задирает бровь. – У тебя есть друзья, зайка? Я думал, папочка от тебя людей каменным топором отгоняет.

По крайней мере, в светской тусовке Соню Афанасьеву почти не видели. Ходили слухи, что девочка выезжает на всякие выставки, но сам Вадим на эти мероприятия обращал внимания довольно редко. Нет, если выставлялся какой-нибудь современный художник, с чем-нибудь скандально-эротическим – вот тут Вадим, конечно, интересовался. А так... Нет, спасибо, не интересно. Отвлечешься тут, сходишь на выставку, а дорогой конкурент (реально дорогой, с заоблачным ценником по принесенным убыткам) тем временем откусит тебе что-нибудь жизненно необходимое. Афанасьев же – гиена, умеет выжидать самые критичные моменты для своих подлянок. Вадим отвечает ему взаимностью, на самом деле просто потому, что “война – значит война”, но гиенистости конкурента это не убавляет.

– У меня есть друзья, – обиженно отзывается Соня. Надулась, нахохлилась недовольно, стала похожа на взъерошенного боевого воробья. Ох, детка, зря ты это делаешь. Ведь чем больше непослушания – тем сильнее хочется заняться воспитанием.

Вадим пожимает плечами, потянулся вперед, дернул телефон, из подставки рядом с водительским креслом, бросил

его на плед прямо к рукам зайки.

– Ни в чем себе не отказывай, зайюшка, – фырчит он. – Только в секс по телефону не звони, я тебя гораздо лучше удовлетворю практически. И я сделаю это бесплатно, из любви к искусству.

– К какому искусству? – уточнила Соня, пряча глаза.

– Искусству секса, разумеется. – Вадим даже диву дается от того, какая невинная ему попалась куколка. Вот, правда – щечки начинают пылать от малейшей пошлости. Красота. Руки так и просятся испортить это дивное, нетронутое пороком полотно. Вадим же, со вкусом опытного художника, медлит, размышляя, с чего ему начать.

На самом деле Вадим не жалеет, что уехал со своей вечеринки так рано. Он почесал в себе спасателя прекрасных дев, уже не единожды вогнал в краску одну не искушенную зайку, полюбовался на то, как идет ей легкий налет греховности. Маневр, обещавший закончиться падением в одну постель с Соней, идет полным ходом. И бежать-то зайюшке явно некуда. Вечер точно прошел не зря.

А ведь тандем Марго и Афанасьева мог подпортить Вадиму кровь очень сильно. Когда в прессе прошел слухок о том, что Сергей Баринов и София Афанасьева объявили о помолвке – Вадим на самом деле призадумался.

Сын Маргариты Бариновой был довольно сильным козырем на бизнес-арене. С Марго Афанасьев мог выйти за пределы городской сети ресторанов. Но теперь-то Афанасьев

точно выкусит, не видать ему сделки с Бариновой. Она горой станет на защиту интересов своего сыночка.

И младший Барин выкусит, потому что эту ушастую прелесть Вадим совершенно не собираются выпускать из своих цепких лап. И навешает на её заячьи ушки столько лапши, сколько потребуется, чтобы девочка все-таки оформила развод и обломала отцу сделку окончательно.

Как все-таки удачно сложились обстоятельства, как восхитительно Сергей слетел с катушек и напугал эту дурочку.

– Кстати, а из-за чего ты с мужем поссорилась, зайка? – с интересом спрашивает Вадим. В первый раз, когда Соня обрисовала ему конфликт, причину она виртуозно обогнула. Вадим даже не сразу понял, что ему сказали “Б”, а про “А” он почему-то не вспомнил.

– Не скажу, – девушка залпом допивает кофе и с вызовом смотрит на Вадима. Кажется, коньяк успел пробудить в ней легкую смелость. Хотя, в том и суть, что смелость была действительно легкой. Потянись Вадим, сожми он пальцами подбородок девчонки – и она снова станет пластичной, как сырая глина, лепи из неё всё, что хочешь.

Девочка не скажет «нет». И нет, она не боится, она просто легкая цель. Которую будет несложно сделать инструментом в своих руках и несложно присвоить. Ничья – а будет Дягилева. Пока не надоест и не потеряет свою ценность.

– Скажешь, куда ты денешься. – Дягилев тянет руку за крышкой от термоса, чтобы наполнить её снова.

– Не скажу, – тихо шепчет девчонка, подтягивая колени к груди. Будто пытаюсь спрятаться за ними от Вадима. Но это же совершенно ей не помогает.

Дягилев снова позволяет себе усмешку, протягивает ей новую порцию кофе, и, когда Соня несмело коснулась серого металла своей импровизированной чашки пальцами, Вадим накрывает её ладони своими, заставляя девушку замереть.

– Скажешь, – ровно произносит Дягилев, глядя прямо в её глаза. – Просто ты сделаешь это позже, зайка. У моих покорных от меня секретов не бывает. А ты мне покоришься.

Глава 9. От слов до дела

– Ты мне покоришься, – он говорит возмутительно спокойно и смотрит на меня абсолютно так же. Ничего нет в его взгляде кроме этой снисходительности. А мне, мне назло самой себе, сейчас снова порывающейся замереть столбиком от восхищения тем, **как** он это сказал, хочется взбрыкнуть.

– Нет!

Наконец-то во мне просыпается афанасьевское упрямство. Вот только толку от него чуть. Спорить с Дягилевым – только нарываться на неприятности. Жаль, что понимаю я это запоздало. Когда уже влипаю в очередной акт этого марлезонского балета.

– Нет? – Два движения, и чашка с кофе уже торчит в подстаканнике рядом с водительским креслом, а я снова оказываюсь на спине, снова подмята тяжелым телом Дягилева, и снова упираюсь ладонями в его плечи.

– Нет? – Самое обидное в том, что он даже не разозлен моим возражением, он надо мной смеется. Смеется и сейчас, прихватывая мои руки за запястья и прижимая их к коже автомобильного сиденья за моей головой.

– Нет? – Шепчет это тяжелое чудовище мне в губы, а потом впивается в мой рот поцелуем.

Мой мир звенит весь, от горизонта до горизонта. Протяжным, гулким, оглушительным звоном. Почему я ему отве-

чаю, ну почему-почему-почему? Но я отвечаю. Так жадно ловя его губы своими, будто и не тряслась от прикосновений Вадима еще полчаса назад. Не хочу, чтобы он прекращал меня целовать. Совсем не хочу...

Интересно, а чего я боялась на самом деле? Того, что он принудит меня к сексу, или к тому, что из меня полезет вот эта вот до отвязности распущенная девка, что сейчас извивается в руках малознакомого мужика. А я извиваюсь... И постанываю от возбуждения как дешевая проститутка.

Мозги? Боже, какие к черту мозги! Выходной у них! Умерли!

Он – мой шторм, моя бездна, к дну которой я лечу тяжелым камнем. И у меня нет объяснений, почему все так, ведь так со мной никогда в жизни не было.

– Ну же, давай, скажи свое “нет” еще разик, зайныка, – шепчет мне это исчадие ада, скользя своими губами от подбородка к уху. Ловит мочку, прикусывает, заставляя вскрикнуть от этой легкой, но такой сладкой боли.

И это у меня получается вместо “нет”? Позор-то какой... Вот только мысль эта, про позор, не удерживается в голове, исчезает, растворяется под натиском горячих губ и щетинистой щеки, трущейся о мою кожу.

– Кричи, милая моя, кричи. – В его хриплом шепоте одно только удовлетворение. – Отполируй мне душу.

У меня был целый один секс в моей жизни – несколько часов назад, с Сережей. И нет, у меня не кружилась голо-

ва, меня не иссушал душный голод, я не чувствовала, будто вот-вот взорвусь. Это было... Ну просто было. И я пытаюсь вспомнить про тот секс, с мужчиной, который долго за мной ухаживал, пытаюсь удержать себя в рамках правильно-го, но работает наоборот, мне хочется узнать, как оно бывает по-другому. И хочется больше этих жестоких рук, что сейчас стискивают мои бедра до боли, и больше этого длинного языка, и... Всего Дягилева я сейчас хочу больше.

Черт возьми, я выпила всего одну чашку кофе с коньяком, а по уровню опьянения кажется, что минимум – канистру.

Наверное, я просто устала, наверное, слишком долго не ела, слишком много нервничала сегодня. Соня Афанасьева – человек тысячи оправданий. Но меньше чем тысячей я сейчас не обойдусь. Как вообще оправдать то, что происходит?

Что ты там говорил, Сереженька, как меня называл? Шлюшка-потаскушка? Вот, кажется, именно ею я сейчас и стану.

– Вадим Несторович, дэпээсники тормозят. – Голос водителя Дягилева звучит для меня как выстрел над ухом.

Твою ж мать, вся эта хрень происходит еще и при ком-то! Очешуеть можно, насколько я сегодня неадекватная... Интересно, это все кофе с коньяком или коньяк с кофе? Не знаю, но этот странный кумар не отпускает меня до конца, вопреки постучавшейся из-за стены реальности. Я явственно ощущаю – некой части меня жаль, что нас с Дягилевым прервали. И плевать-то ей на того водилу.

Жесть какая! Можно мне вытрезвина? Срочно! Вопрос жизни и смерти, просто!

– Охренели они там, что ли? Не видят моих номеров? – недовольно шипит Вадим и садится, рывком подбирая упавший с сидений плед, чтобы набросить его на мои ноги.

– Нехрен кому попало пялиться на моих заек, да? – шепчет он едва слышно, обращаясь ко мне, а я вспыхиваю еще сильнее.

– Там молодой какой-то сержант, – скептически замечает Боря, уже съехав на обочину. – Может, и не знает ваших номеров.

– В инструктаж пусть выписывают, – раздраженно бросает Вадим, а дорожный инспектор в яркой желтой жилетке козыряет и стучит в водительское стекло.

Дягилев нашаривает под пледом мое колено и сжимает на нем пальцы. Мне кажется, что я загорюсь уже от этого прикосновения. И во взгляде его по-прежнему читается: «Ну же, зайка, скажи мне уже свое «нет»».

А я бы и рада, да у меня не получается...

У сержанта ДПС чудная фамилия Нычко, и он проводит довольно стандартную процедуру “подышите в трубочку – покажите документы на машину”. Боря действительно не употреблял свой коньячный кофе.

– Предъявите багажник к досмотру? – продолжал насеждать сержант.

– А знаете, предъявим, – с искренним весельем отклик-

нулся Дягилев и отстранился от меня.

Нет, он не походил на человека, который был не в курсе, что без понятых досмотр багажников вообще-то не делают. Но судя по многозначной улыбке, у него там было что-то интересное, чем он явно хотел «порадовать» молодого сержанта. Или удивить? Шокировать? Я бы поставила на последнее.

Дягилев выскакивает из машины. А я придвигаюсь ближе к приоткрытой двери, жадно дыша холодным ночным воздухом, пытаюсь выдохнуть и чуть-чуть придти в себя.

Что со мной вообще происходит?

Чем дальше – тем паршивей я себя ощущаю. Сейчас машина тронется с места – и я снова останусь в плену Дягилева, причем очень добровольном плену, судя по тому, как реагирует на него мое тело. Гребаные гормональные реакции. Вот нет бы к мозгам прислушиваться, нет – теку как сучка от прожженного ходока. У него таких, как я, воз и маленькая тележка. С верхом груженные.

Кто я для Дягилева? Правильно – игрушка. Девочка, которую можно и трахнуть по пути, потому что, почему нет? Из всех достоинств – мой отец. Могу себе представить, как поднимется дягилевское самомнение после того, как он поймает дочь своего конкурента. А я – к своему позору этому поспособствую.

И почему мне и до этого не хотелось спать, а сейчас – почему-то и того сильнее? Глядишь, уснула бы, и никто бы меня настолько внаглую на задних сиденьях машины не рас-

кладывал.

Злость накатывает на меня, приводя в себя. Поздновато, но блин, хорошо, что хоть сейчас?

Мне хочется дать Дягилеву по физиономии. Вот правда. Очень сильно хочется. Какого черта, кто-нибудь может мне объяснить? Кто ему сказал, что я соглашусь быть ему кем угодно? Ну, да, он мне помог, но что мне, за это ему ноги целовать?

Проблема была в том, что мне недостаточно сильно хочется это сделать. Мое колено еще пять минут назад практически пылало под ладонью Дягилева. И голова кружилась под его пристальным взглядом. Да что за хрень-то со мной происходит? Я его сегодня увидела первый раз в своей жизни. Какого черта я вообще так плыву? Не пойдет ли Дягилев в пешее эротическое, с Сережей под ручку?

Вот серьезно, паршиво быть мной, с моим почти нулевым опытом отношений с мужчинами. Как бы вежливо послать его к чертовой матери? Как стереть с его лица эту раздражающую самодовольную улыбку, как заставить перестать смотреть как на вещь? Причём смотрит-то как на свою вещь, будто уже меня приватизировал.

Но сейчас он там dokonает инспектора, вернется, и я снова ему проиграю. И я даже не знаю, больше ли мне волнительно от этой мысли или противно.

Реальность, нужно бы зацепиться за реальность...

Может, тогда мне удастся удержать Дягилева по его воз-

вращении на расстоянии? Может, тогда он отвезет меня к кому-нибудь из моих друзей, а не к себе домой? Потому что у него дома я точно сдамся. Сила воли у меня чудовищно хреновая, как показывает практика.

Я пытаюсь вычистить из головы весь этот непоследовательный мысленный мусор. Скольжу взглядом по обочине, задеваю взглядом серую Ладу, прикорнувшую там, и девушку с ярко-розовыми волосами, присевшую у её номеров.

Да нет, не может быть...

Не может мне так везти...

Но похожую зеленую косуху я три недели назад отдавала своей подруге. И ведь именно её часто останавливают за нечитаемые номера. Впрочем, привыкнуть их мыть моя подруга по-прежнему не может, а где она только не мотается со своими подработками. Боже, да неужели... Ты решил дать мне шанс? Судьба, ты ли это?

– Маринка, – кричу я, распахивая дверь машины Дягилева шире.

– Соня?

Девушка обернулась, и вытаращилась на меня как на живую Джаконду, не иначе. Ну да, посреди ночи, хрен пойми где в Москве однокурсницу не встретишь. Рояль в кустах – и тот был бы менее внезапен, чем я, выскакивающая из левой машины в прикиде куртизанки.

Я метнулась к ней, забив на то, что это пришлось делать босиком. Благо я успела отогреться хотя бы чуть-чуть. Да,

это точно Маринка, боже, какое же счастье, спасибо-спасибо-спасибо.

– Маринка, можно у тебя переночевать? – быстро шепчу я. – Объясню позже, меня отец из дома выгнал.

– Садись. – Маринка моргает, разглядывая меня, пребывая в явном шоке от моего внешнего вида. Ну, да, я же на учебе выгляжу как такой элегантный синенький чулочек. Я ж на учебу учиться хожу, а не мальчиков кадрить.

– Зайка! – раздается за спиной недовольный окрик Дягилева.

Я оборачиваюсь. Ловлю убийственный взгляд Вадима. Он недоволен. Он настолько недоволен, что у меня от выражения его лица воздух в горле застревает.

– В машину, быстро, – ровно произносит Дягилев, не спуская с меня взгляда, а потом уточняет. – В мою.

Качаю головой и делаю шаг назад.

Нет уж.

Я не послушаюсь тебя, Вадим Несторович.

Ты мне никакой не хозяин.

И я не позволю своим истерзанным нервам и коньяку, кипящему в моей крови, решать за меня вопрос того, ложиться мне под этого упоротого мужика или не ложиться. Пусть он сносит мне крышу, я не хочу опускаться до случайных связей вот так. Ни назло папе, ни назло Баринову я не хочу!

Он делает шаг вперед, а я – назад, от него. Вцепляюсь в ручку дверцы Маринкиной машины и дергаю за неё, ныряю

на заднее сиденье.

Вадим останавливается, скрещивает руки на груди. Кажется... Кажется, он готов от меня отстать.

И... Нет, удивительно, но я не так уж этому рада на самом деле.

Я была рада, когда он нашел меня сидящей на лавочке. И не потому, что он предложил мне помощь, а потому что... Потому что была рада.

Я пытаюсь заставить себя отвести взгляд от каменного лица Вадима. Пытаюсь, но не могу. И видеть его таким даже из машины, с расстояния – нет, не страшно. Просто плохо. Почему – нет объяснения, как и во всем остальном, что касается Вадима.

С номерами Маринка возиться перестала, с депэсниками у неё явно было уже все улажено. Подружка просто садится в водительское кресло, сперва косится на меня, потом на Дягилева и заводит машину. Отъезжает, и Вадим наконец скрывается с моих глаз. Легче мне от этого не становится.

Казалось бы – я сбежала, все хорошо. И то, чего я так боялась, то, от чего мне наверняка было бы худо уже завтра утром – не произошло.

Вот только... Почему мне сейчас настолько паршиво?

Глава 10. Кошки и мышки

“Догнать, оторвать уши, заткнуть рот кляпом и отодрать задницу, так чтобы девчонка могла только ногами дрыгать...”

Вадим уже третий час лежит в постели и пялится в потолок. Семь утра почти натикало, а сна не было ни в одном глазу.

Сбежала. Маленькая нахалка от него сбежала!

Вот ведь сам нарек её Зайкой, так чего удивляться, что девчонка струсилась? Зайка и есть. Ускакала так резво, только пятки сверкнули.

Давненько Вадима так не динамили, если честно. Очень-очень давно. Наверное, лет с шестнадцати. Особенно его так не динамили женщины, в чьем интересе Дягилев был уверен. А с Соней у него выходил не просто интерес, с ней у него выходила такая бешеная химия, что и сейчас все нутро сводит от голода по Ней, вожделенной и послушной.

Самое паршивое, что выкинуть зайку из головы совершенно не получается. А ведь это необходимо сделать, ведь Соня сказала: “Нет”. Ну, ладно, пусть не сказала, пусть помотала своей маленькой пустой головкой и прыгнула в машину к своей подружке. Это было “Нет”. Стоп-слово от девочки, далекой от Темы. И Вадиму бы его услышать, врезать бы во что-нибудь, хоть в лоб, но нет, это никак не выходило

сделать.

И вообще, да, это было слегка парадоксально. У Вадима в телефонной книжке не один десяток телефонов барышень, которые и приедут, и дадут, и выпороть их попросят, и даже уберутся после себя. Но так не интересно, а вот головоломкой под названием “Соня Афанасьева” Дягилев себя мучает с удовольствием. Подбор ключика к новой цели, выбор оружия и определение пути для собственных завоеваний – достойное занятие, раз уж сон не идет.

Сама по себе Соня, конечно, была хороша. Вадим с легкостью мог припомнить тот момент, когда первый раз увидел перед собой свою зайку – бледную, дрожащую, в белой полупрозрачной комбинации. Достаточно привлекательная, чтобы побыть разовой любовницей Дягилева, а он почти всех женщин, не работающих на него, оценивал по такому критерию “пригодности”. И все-то он увидел, и напряженные соски, выступающие из-под гладкой ткани, и красивый вырез на мягкой девичьей груди, и белые чулочки на длинных красивых ногах.

Увидел, оценил, получил эстетическое удовольствие, позволил себе слегка посмеяться над девчонкой. Но и все.

Лишь после, когда она переоделась, когда начала играть роль – Вадим ею залюбовался по-настоящему. Ею – стоящей на коленях у его ног. Ею – посасывающей его пальцы, во время разговора с Томом. Ею – ползущей перед ним на четвереньках. Пожалуй, даже слишком залюбовался. По крайней

мере сейчас, стоило закрыть глаза, как воображение тут же подбрасывало воспоминание о виляющей аппетитной заднице Зайки, которая во время путешествия через холл отеля очень соблазнительно покачивалась из стороны в сторону. Она будто умоляла, чтобы её разрумянили жестокие хозяйские ладони. Как тут уснешь спокойно, спрашивается, когда вот такое на ум просится?

И все-таки, нет, это было не по настоящему. Это была ни разу не Тематичная игра, и Соня не была Тематичной.

Хотел ли Вадим довести зайку до конца? О, да. Осквернить, погрузить в собственную греховную тьму, присвоить, чтобы девчонка запомнила навсегда его как своего первого Хозяина. И не смела никогда называть его никак иначе. Чтобы всем смыслом своего существования считала удовлетворение его, Дягилева, прихотей. По крайней мере то время, пока ему не наскучит.

К исполнению этого желания были все предпосылки. Вадим же явственно ощущал, как дурела девчонка от его прикосновений, и казалось, что добиться от неё того, что нужно, будет совсем просто. И все шло к тому, что девочка с легкостью поддастся Вадиму, и он вылепит из неё именно то, что ему нужно.

Но мышка ускользнула из лап кота, а он даже облизать её не успел, только-только принюхался. И куда это годилось?

А так забавно было наблюдать, как забывается Соня – от жесткого командного голоса, от того, как Вадим без особых

церемоний делал с ней то, что хотелось ему. Особенно до той поры, пока она еще не знала, кто ей помогает. Да и после, после она будто пьянела от прикосновений, и Вадиму ужасно понравилось с ней играть. Хотелось прощупать предел её гибкости, того, насколько много может ему позволить. Зная, что он вообще-то враг её отца. Это, кстати, было самое вкусное в происходящем. Её влекло к Вадиму вопреки тому, кем он был.

Но все-таки она сбежала...

Наверное, Вадим поторопился, обрисовывая перед зайкой свои планы по одеванию ошейника на её красивую шейку. Нужно было чуть потерпеть, хотя бы до дома, и уж тут взяться за девчонку всерьез. Попробовала бы она побегать по его дому – Вадим с удовольствием поиграл бы с ней в салочки. Правда салил бы совсем не ладонью! И потом, после того как “осалил” бы зайку хорошенько, выпустил бы её, дал секунд тридцать форы, и снова бы бросился “водить”. И так пока она сама не будет умолять о пощаде.

В восемь Вадиму приходится окончательно принять как факт – разочарованное побегом зайки либидо принципиально намерено не дать ему уснуть. Оно будто пришептывало насмешливо: “Упустил, но все равно по плану отбоя не было. И не будет!”

Дягилев титаническим усилием воли вылезает из-под одеяла, шагает до кухни, где становится причиной и свидетелем потрясения поварихи, которая вообще не привыкла, что по-

сле оргий хозяин поднимается так рано, взял завтрак. Есть правда не очень хотелось, но иногда желания возможностям не соответствовали. Вадим, конечно, к этому не очень-то привык, но нельзя сказать, что это ощущение было ему в новинку..

Гипнотизируя взглядом расположившийся на круглой белой тарелке завтрак, Вадим набирает начальника службы охраны. Просто потому что утренняя вздрючка – она Дягилеву необходима как зарядка. И если нельзя вздрючить зайку – надо сделать это с чьим-нибудь мозгом, глядишь, тогда через пару вечеров и сама зайка образуется в спальне Вадима, уже вставшая в нужную позу. Вот тут кстати Вадим ступорится в фантазиях, пытаюсь определить, какая поза по его мнению самая аппетитная. Ладно, на коленях, с оттопыренной попкой – самое оно. В самый раз для того, чтобы воздать ей за её побег.

Наконец-то Николай отзывается, не прошло и пяти гудков. А меж тем – ему-то давно пора быть на ногах, потому что он должен вставать раньше, чем “тело”, за которое он отвечает. По договору – так вообще в шесть рабочий день начинается.

– Ну что, пробили адрес? – мрачно интересуется Вадим, тоном обещая все муки ада, если подчиненный намерен его разочаровать.

Бросаться вслед за Соней Дягилев не стал, хотя зря, наверное. Нужно было проследить, как она доберется, не влип-

нет ли по дороге в неприятности, но Вадим отдавал себе отчет – прикажи он Борису ехать следом за зайкой, в машине усидеть не сможет.

Догонит, поймает, зажмет в первый попавшийся угол и все-таки поимеет. А так не интересно, ведь девочка дала понять, что нет – она сейчас его не хочет. Это было оскорбительно вообще-то, как она смела не хотеть? Как она смела ему отказывать? При том, как она на него реагировала – это не лезло совершенно ни в какие рамки.

Вадим не стал бросаться за ней, запомнил номер серого ведра, порожденного отечественным автопромом, на котором укатила зайка, поднял своего начбезопасности и велел каким угодно способом достать информацию о месте жительства “Маринки”.

– Пробили, Вадим Несторович, – откликается Николай. – Наблюдателей выставили. Машина у подъезда, значит, доехали.

Хорошо. Значит, если что зайку прикроют. Вадим сомневался, что так сложно будет её выследить через друзей. Если они с той розовой Мальвиной еще и подруги, тогда Афоня найдет свою дочь довольно быстро. Найдет и Баринов. Это Зайка мнит сейчас Вадима главной своей угрозой, Дягилев же смотрит шире. У него Соне грозила разве что насыщенная интимная жизнь, а вот попадись она Баринову... Вряд ли щенок так легко спустит жене побег, вряд ли откажется от идеи групповичка с друзьями.

И все-таки Вадим не мог не охренивать.

У Афанасьева что, две дочери было, чтобы одну он легко отдавал ублюдку, которому приспичило девчонку изнасиловать толпой? Или что, его дела были настолько плохи, что без финансовых вливаний Марго Афоня скончается? По общим представлениям Дягилева – его конкурент был очень далек от такого положения.

Тогда какого хрена?

Почему девчонку из её задницы выручать довелось именно Дягилеву? Нет, Вадим против не был, ему было совершенно на руку, девочка была аппетитная. Но все равно невозможно не угорать на то, как Старик сам подбросил Вадиму свою дочь, и вот только попробуй не воспользуйся, если ты не лох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.